

ПРОТИВНИКИ ФРИДРИХА ВЕЛИКАГО.

АЛРАВСКИИЪ И БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИИЪ (*).

(Очеркъ изъ русско-прусской войны 1756—1762 г.)

III.

БЕСТУЖЕВЪ-РЮМИИЪ.

Человѣкъ честолюбивый, съ твердою волей, энергiей, человекъ замѣчательнаго ума и изворотливости, Алексѣй Петровичъ Бестужевъ-Рюминъ еще во времена Петра I заявилъ свои дипломатическія способности. Съ тѣхъ поръ онъ зорко слѣдилъ за борьбою придворныхъ партій, съ замѣчательнымъ искусствомъ окружая себя сторонниками, вовремя оставляя однихъ, приставалъ къ другимъ, пользовался для своего возвеличенія всѣми родственными и дружескими связями и неторопливою, но твердою поступью шелъ на верхъ своего могущества. Изворотливость и счастье помогали ему спастись отъ многихъ бѣдъ, безпрестанно грозившихъ ему на скользкомъ и трудномъ пути дипломатической и придворной службы. Такъ остался онъ въ сторонѣ въ страшномъ алексѣевскомъ розыскѣ 1718 года, когда достаточно было вынырнуть изъ вѣнскаго архива грамоткѣ его (1717 г.) къ бѣглецу-царевичу: Бестужевъ-Рюминъ предлагалъ ему свои услуги, а этого было совершенно достаточно, чтобъ умереть на дыбѣ; но «предательское» письмо, къ счастью бу-

(*) См. «Военный Сборникъ», № 8.

душаго канцлера, не попало въ руки судей царевича. Бестужевъ остался цѣль. Не менѣе счастливо устоялъ онъ при второмъ императорѣ, когда партія его, сначала вѣрная Меншикову, потомъ Долгорукову, сидѣлась пріобрѣсть вліяніе на Петра II. Попытки не удались, сторонники пострадали, главный же двигатель ея—Бестужевъ—остался невредимъ. Является на сценѣ Биронъ: Бестужевъ вкрадывается къ нему въ довѣренность, получаетъ чины и награды, наконецъ по его милости дѣлается кабинетъ-министромъ. Новый кабинетъ-министръ оплачиваетъ своему патрону важную услугу: не предчувствуя, что паденіе временщика близко, онъ является главнѣйшимъ двигателемъ во врученіи Бирону званія регента-правителя имперіи. Послѣ смерти Анны Ивановны, Бестужевъ сверженъ, Бестужевъ въ тюрьмѣ, Анна Леопольдовна объявлена правительницей. Кажется, для Бестужева все кончено, судъ приговариваетъ его за услуги Бирону—четвертовать 27 января 1741 года; наказаніе ограничивается ссылкой въ деревню; наконецъ судьба, въ лицѣ цесаревны Елисаветы, спасаетъ его. Дочь Петра ссылаетъ внучку Юанна, и опала послѣдней надъ Бестужевымъ вызвала жалость и вниманіе новой государыни. Долгое «упражненіе» въ дѣлахъ политическихъ, глубокое знаніе отношеній государствъ европейскихъ между собою и къ Россіи, ловкость въ борьбѣ придворныхъ партій, все это сильно выдвигало Бестужева-Рюмина. Сановники, окружавшіе новую государыню, невольно чувствовали его отсутствіе; въ глазахъ же государыни онъ является опальнымъ прежняго правительства, слѣдовательно его надо поднять, слѣдовательно.... и вотъ посолъ Петра I, ставленникъ Бирона, кабинетъ-министръ Анны Ивановны дѣлается вице-канцлеромъ и съ обычнымъ искусствомъ выступаетъ на новую брань съ многочисленными противниками. Ихъ много, и они сильны. Противъ него французско-прусская партія, дѣйствовавшая въ видахъ возбужденія Россіи противъ Австріи, что было положительно противно политической программѣ вице-канцлера. Главою партизановъ первой партіи при петербургскомъ дворѣ былъ Лестокъ, въ союзѣ съ оберъ-гоф-маршаломъ великаго князя Брюммеромъ. Въ началѣ дѣйствія ихъ удачны: Лестокъ, при помощи шпіоновъ, *сочиняетъ* небывалый заговоръ, въ которомъ будто бы участвуютъ члены и близкіе люди фамиліи Бестужевыхъ. Доносъ лейбъ-медика удается. Государыня, страшась переворота, подобнаго тому, какому она

была обязана престоломъ, велить строго допрашивать минимыхъ заговорщицъ: Анну Гавриловну Бестужеву-Рюмину (жену брата вице-канцлера), Наталью Федоровну Лопухину, ея мужа, сына и нѣкоторыхъ другихъ, виновныхъ въ неосторожной болтовнѣ и въ близкомъ свойствѣ съ вице-канцлеромъ; его-то собственно и нужно было свалить партизанамъ французско-прусской партіи. Надъ несчастными свершились казни, а главная цѣль всего замысла не была достигнута: Бестужевъ скоро возстановилъ ослабѣвшее было его значеніе. Этому помогло сильное покровительство могучаго его патрона, графа Алексѣя Григорьевича Разумовскаго, а еще скорѣе его необыкновенное умѣнье вести интригу. Въ борьбѣ съ людьми, ставшими ему поперекъ дороги, вице-канцлеръ не задумывался ни передъ какими средствами; почтъ-директоръ Ашъ и академикъ Таубертъ разбирали и переводили перехватываемыя депеши иностранныхъ министровъ, депеши, писанныя цифирью. Подобныя «литературныя» упражненія какъ нельзя больше пригодились вице-канцлеру. Изъ нихъ онъ извлекъ богатый матеріалъ для выставленія вновь явившагося при нашемъ дворѣ Шетарди самымъ вреднымъ челоуѣкомъ и оскорбителемъ Ея Величества. Вѣтряный Французъ позволялъ въ своихъ цифирныхъ депешахъ разныя выходы, которыя должны были чрезвычайно прогнѣвить государыню. Шетарди высланъ за границу, глава французско-прусской партіи удаленъ, а Бестужевъ, 15 іюля 1744 года, сдѣланъ государственнымъ великимъ канцлеромъ.

Могущественный сторонникъ Австріи, Бестужевъ-Рюминъ, по увѣренію одного изъ его біографовъ, дѣйствовалъ въ этомъ случаѣ вовсе не изъ личныхъ интересовъ. «Политика Бестужева, *политика невмѣшательства* (?), была политика преданія, политика Петра Великаго и вмѣстѣ политика *національная*.... Изъ двухъ враждебныхъ лагерей—французскаго и австрійскаго—Россія постоянно склонялась къ Австріи. Причины тому, какъ говорить біографъ, очевидны: Франція была далеко, Австрія близко по отношеніямъ къ двумъ сосѣднимъ державамъ: Польшѣ и Турціи. Бестужевъ (держась Австріи) слѣдовалъ политикѣ необходимости и политикѣ національной.... она была согласна со старинною русскою системою и съ геніемъ націи. Бестужевъ, продолжаетъ тотъ же авторъ, не хотѣлъ вмѣшиваться въ распри европейскихъ державъ, сохраняя преимущественно доброе согласіе съ Австріею и Англіею (съ послѣднею особенно по

интересамъ торговымъ)....» Цитуемый нами біографъ заранѣе отражаетъ подозрѣніе, что Бестужевъ дѣйствовалъ просто потому, что былъ подкупленъ вѣнскимъ и лондонскимъ кабинетами, но вѣдь онъ *могъ быть* также подкупленъ и Франціею, и Пруссіею, однако отказывался.»

Да полно не потому ли, что, на этомъ аукціонѣ продажности министровъ, ни Франція, ни бѣдная тогда Пруссія не могли сравняться въ величинѣ подачекъ съ дворами австрійскимъ и англійскимъ? Итакъ, «Бестужевъ—великій государственный мужъ, великій патріотъ! Его политика — политика національная, имъ руководить геній націи, онъ защищаетъ Австрію по старому преданію, по политикѣ необходимости, клонящейся къ славѣ и интересамъ Россіи!» Построивши такой панегрикъ, давши великому канцлеру вѣнокъ на безсмертіе, нетрудно, конечно, оправдать вмѣшательство «невмѣшательнаго» Бестужева въ борьбу Пруссіи съ Австріей, нетрудно отнести эту войну, стоявшую Россіи 30,000,000 рублей и 300,000 народа, въ рядъ войнъ, вызванныхъ необходимостію, національнымъ геніемъ Бестужева.... Все это легко и возможно; но какъ же объяснить въ такомъ случаѣ то обстоятельство, что не прошло и года съ начала войны, какъ тотъ же геній входитъ въ сдѣлку съ главнокомандующимъ, жертвуетъ результатами дорого купленной побѣды, жертвуетъ тысячами русскихъ солдатъ и офицеровъ, гибнущихъ въ постыдной ретирадѣ, жертвуетъ честью русскаго оружія, — и все это ужъ не изъ за національной ли политики?

Но, быть можетъ, сдѣлки этой не было. Неужели великій патріотъ, нѣкогда изподтишка предлагавшій свои услуги паревичу Алексѣю и въ то же время льстившій самолюбію Петра, неужели этотъ усердный воздвигатель биронова могущества, этотъ безжалостный врагъ своихъ противниковъ, неужели этотъ спаситель Австріи отъ Фридриха вдругъ переходитъ на сторону послѣдняго и начинаетъ свой переходъ рядомъ жертвъ, постояннѣ непонятныхъ по отношенію къ нему, какъ «къ великому патріоту»?

А вотъ рассмотримъ нѣкоторыя свидѣтельства иноземцевъ и документы подлинныя, и увидимъ, можетъ ли быть сомнѣніе, что это совершилось въ Бестужевѣ, и какія побужденія привели его къ новому образу дѣйствія.

Въ 1755 году, англійскимъ посломъ при петербургскомъ дворѣ явился сэръ Чарльсъ Ганбюри-Уильямсъ. По инструкціямъ,

даннымъ ему отъ лондонскаго кабинета, сэръ Чарльсъ долженъ былъ употребить всѣ усилія, чтобъ втянуть Россію во всеобщую войну, которая должна была скоро разгорѣться. Англія нуждалась въ Россіи, какъ въ сильной союзницѣ противъ Франціи. Уильямсу казалось, что онъ успѣвалъ въ своихъ усиліяхъ, и въ этой надеждѣ онъ писалъ, 4 іюля 1755 года: «не только Бестужевъ расположенъ къ союзу съ Англіей, но самъ Воронцовъ (вице-канцлеръ, горячій поборникъ интересовъ Франціи) сознался въ своемъ заблужденіи: онъ совершенно согласенъ съ тѣмъ, что Россія особенно должна страшиться короля прусскаго, какъ природнаго и опаснаго врага своего.» «Г. Олсуфьевъ — душа Воронцова—доносилъ сэръ Уильямсу, рассказывая о средствахъ, какими онъ думалъ осуществить свои планы — Воронцовъ говорить только то, что нравится Олсуфьеву. За 500 дукатовъ чистыми деньгами и 500 пенсіона я могу располагать имъ и надѣюсь, что извлеку пользу. Функъ, саксонскій посланникъ, имѣетъ тоже вліяніе, вѣрно служить своему двору, но уже пять лѣтъ какъ не получалъ жалованья и часто находится въ большой нуждѣ. Онъ, вѣрно, станетъ служить королю за такую же сумму, какую я предлагаю Олсуфьеву. Третье лицо, помощь котораго надо приобрѣсть, это Волковъ, домашній секретарь Бестужева. Подарокъ въ 500 дукатовъ и пансіонъ въ 200 доставить мнѣ его.»

Какъ ни скромны были средства представителя Англіи, но они, казалось, вели къ вождѣльному результату: между лондонскимъ и петербургскимъ кабинетами заключена была конвенція; главною цѣлью ея были союзъ съ Англіей и Австріей и вражда съ Франціей.

Бестужевъ получилъ за это отъ Англіи, кромѣ обыкновенныхъ подарковъ, 10,000 фунтовъ стерлинговъ. Одарены были и другіе пособники въ этомъ дѣлѣ. Становясь по этой конвенціи въ рядъ союзницъ Австріи, Англія имѣла только въ виду найдти въ ней поддержку противъ Франціи, но вовсе не была расположена жертвовать собой для удовлетворенія обидъ и мстительности Маріи-Терезіи къ Фридриху II. «Наша цѣль—Франція, говорили государственные люди Англіи, а Австріи цѣль—Пруссія. Австрія тогда только будетъ помогать намъ противъ Франціи, если мы будемъ врагами Пруссіи и если поможемъ ей возратить потерянное ею въ послѣдней войнѣ. Разумѣется, въ

настоящемъ нашемъ положеніи было бы глупо входить въ такія соглашенія.»

Эти чувства англійскаго правительства не были тайной для вѣнскаго кабинета, и вотъ Марія-Терезія съ министромъ своимъ Кауницомъ начинаютъ входить въ новыя, особыя соглашенія съ петербургскимъ дворомъ, на этотъ разъ, однако, не рассчитывая и не желая уже дѣйствовать въ общихъ видахъ съ Англіей. Наилучшее согласіе царствовало между обѣими императрицами: русской и австрійской. Ихъ соединяла общая ненависть къ Фридриху, и въ Петербургъ является новый агентъ Австріи, графъ Зицендорфъ, безъ всякаго видимаго порученія, но съ инструкціями непременно добиться непосредственнаго участія со стороны Россіи въ предстоящей австрійско-прусской войнѣ.

Въ то время, когда Зицендорфъ начинаетъ свои происки въ Петербургъ, британскій кабинетъ сообщилъ Фридриху свою конвенцію съ Россіей; конвенціи недоставало только подписи императрицы. Прусскій король понялъ значеніе этого акта, направленнаго единственно противъ него, и, съ обыкновенной своей рѣшимостію, отвѣчалъ на сообщеніе такими открытіями, которыя привели къ совершенной перемѣнѣ ролей. Въ январѣ 1756 года, между Пруссіей и Англіей подписанъ трактатъ взаимнаго охраненія владѣній обѣихъ державъ на континентѣ. Понятно, что вѣнскій дворъ былъ очень недоволенъ этой новой комбинаціей; что до императрицы Елисаветы, то и она не могла не раздѣлять этого недовольства, по неприязни своей къ Фридриху, такъ что хотя конвенція англо-русская и была утверждена 14 (26) февраля 1756 года, но съ оговоркой: «подписанный трактатъ будетъ имѣть силу только въ томъ случаѣ, когда на владѣнія Великобританіи нападутъ король прусскій или его союзники». Естественно, что недавній трактатъ англо-прусскій дѣлалъ конвенцію 14 февраля совершенно непримѣнимою къ интересамъ Англіи.

Сэръ Уильямъ, ловкій придворный, человекъ свѣтскій, вкрадчивый, хотя въ то же время слишкомъ самонадѣянный и легковѣрный, не унывалъ. Онъ не довольствовался подкупомъ русскихъ министровъ; онъ искалъ опоры англійскому союзу при такъ называемомъ въ Петербургѣ молодомъ дворѣ, то есть у великаго князя и княгини. На великую княгиню уже обращалось тогда вниманіе всѣхъ государственныхъ людей, имѣвшихъ дѣло съ петербургскимъ правительствомъ; Бестужевъ искалъ ея

пріязни. Эти старанія великаго канцлера поддерживать расположе-
женіе, довѣренность и уваженіе къ себѣ Екатерины начались
только съ 1754—1755 годовъ, именно съ того времени, когда
съ одной стороны болѣзнь императрицы, съ другой слабости ея
племянника заставляли канцлера зорче вглядываться въ темное
будущее.

Въ первую же половину царствованія Елисаветы, великая
княгиня держала себя относительно Бестужева далеско и была
относительно его очень осторожна: этого требовало, во пер-
выхъ, то обстоятельство, что ея прїѣздъ въ Россію былъ не-
пріятенъ Бестужеву, какъ дѣло, тайно отъ него устроеннос про-
тивною партією; во вторыхъ, великая княгиня скоро узнала ха-
рактеръ великаго канцлера. «Этотъ человекъ — говорила впо-
слѣдствіи Екатерина—внушалъ къ себѣ гораздо больше страха,
нежели привязанности; онъ былъ до чрезвычайности проныр-
ливъ и подозрителенъ, твердъ и непоколебимъ въ своихъ мнѣ-
ніяхъ, довольно жестокъ съ подчиненными, врагъ непримиря-
емый, но другъ друзей своихъ, которыхъ не покидалъ, пока они
сами не измѣняли ему; впрочемъ, неуживчивъ и во многихъ
случаяхъ мелоченъ; но вообще характеромъ своимъ неизмѣри-
мо превышалъ дипломатовъ петербургскаго двора». (*) «Стоило
только взглянуть на лицо великаго канцлера — пишетъ Дашко-
ва — чтобъ невольно быть пораженной умомъ, или, лучше ска-
зать, скрытнымъ лукавствомъ, которое выражалось въ чертахъ
его фязіономіи.» Вначалѣ, какъ мы сказали, Екатерина не
только не любила Бестужева, но даже боялась его. Этотъ страхъ
тѣмъ болѣе былъ понятенъ, что вокругъ ея постоянно была
бестужевская шайка; все, что дѣлалось въ апартаментахъ Ека-
терины, все было извѣстно Бестужеву. Письма ея къ матери и
другимъ лицамъ рѣдко когда миновали рукъ Бестужева. Гол-
штинецъ Пехлинъ, человекъ, по отзыву Екатерины, не безъ
дарованій и свѣдѣній, пользовался довѣренностію ея мужа и
былъ въ то же время орудіемъ Бестужева. Окруженная его кле-
ветами, Екатерина все болѣе и болѣе страшилась «вредныхъ

(*) Отзывъ Екатерины о Бестужевѣ-Рюминѣ едва ли не вполне вѣренъ; по-
крайней мѣрѣ, онъ оправдывается свидѣтельствомъ другихъ современниковъ и
между прочимъ Щербатова. «Графъ Алексѣй Бестужевъ, по его словамъ, былъ че-
ловѣкъ умный, чрезъ долгую привычку искусный въ политическихъ дѣлахъ; люби-
тель государственной пользы, но пронырливъ, золь и истытеленъ, властолюбивъ,
роскошенъ и собственно нѣбющій страсть къ пьавству.» *О побрежден. нрав.*, 87.

замысловъ» канцлера, на котораго наговаривали ей его противники. Но она напрасно пугалась этихъ замысловъ: если они имѣли цѣлью личныя выгоды лукаваго сановника, то въ то же время преслѣдовали важнѣйшую цѣль — упрочить значеніе Екатерины... Дѣло въ томъ, что чѣмъ ближе узнавалъ Бестужевъ поведеніе, образъ жизни и замыслы Екатерины, тѣмъ болѣе отличалъ онъ въ ней умъ, твердость, энергію — качества драгоценныя для его политическихъ видовъ. Вотъ почему неминуемо должно было произойти между ними сближеніе. Это же совѣтовалъ, въ началѣ 1753 года, графъ Сергій Салтыковъ, одно изъ довѣреннѣйшихъ въ то время лицъ великой княгини. Екатерина выполнила совѣтъ. Бестужевъ съ необыкновенной радостью выслушалъ отъ нея увѣренія, что она не такъ его чуждается, какъ прежде. Онъ отвѣчалъ, что готовъ быть полезенъ во всемъ и что она можетъ имъ располагать всякій разъ, какъ то будетъ ей нужно. Великій канцлеръ спрашивалъ: какимъ путемъ они могли бы безопасно сообщать другъ другу то, что найдутъ нужнымъ?

«Въ благодарность за доброе расположеніе, которое великая княгиня изволитъ мнѣ оказывать, говорилъ Бестужевъ одному изъ ея друзей: я постараюсь всячески услужить; она увидитъ, что я вовсе не такой звѣрь, какимъ меня ей представляли.»

Такимъ образомъ, союзъ былъ заключенъ, и та и другая сторона взаимно заявили свою вѣрность союзу. Съ рожденіемъ великаго князя Павла Петровича, 20 сентября 1754 года, усердіе канцлера къ великой княгинѣ еще болѣе усилилось: съ этимъ событіемъ въ головѣ правителя возникалъ смѣлый планъ — совершеннаго устраненія отъ престола ненавидѣвшаго его Петра Федоровича.

Изъ переписки, веденной Екатериной, при тайномъ посредствѣ канцлера, за это время (1755 — 1756 г.), намъ известна (хотя и далеко не вполнѣ) корреспонденція ея съ матерью (*).

(*) Дѣло надъ Бестужевымъ и Апраксинымъ 1756 — 1759 г. Между прочимъ въ бумагахъ вице-канцлера найденъ былъ пакетъ съ его надписью: «отъ барона Пеллина для собственнаго и единственнаго его извѣстія». Въ этомъ пакетѣ, какъ значится въ современной описи, между прочимъ, были: 1) «оригинальный постскриптъ къ Бестужеву отъ принцессы ангальтъ-пербстской, которымъ рекомендуетъ она графиню Бентинкову къ поддержанію противъ гоненій прусскаго и французскаго дворовъ, и копія съ сего постскрипта, списанная рукою тайнаго совѣтника Пеллина, которая тѣмъ примѣчательна, что, вмѣсто прусскаго и французскаго дворовъ, написаны одинъ брюссельскій, а для другаго мѣсто остав-

«Невозможно чувствовать—писала послѣдняя 21 февраля 1756 года—большей радости и большаго признанія, какъ чувствовала я, получа дражайшее Вашего Императорскаго Высочества писаніе, которое вы для меня г. Салтыкову вѣрить изволили. И водлинно: что можетъ сравниться съ радостію видѣть такого человѣка, который видѣлъ васъ въ нынѣшнемъ вашемъ состояніи (Екатерина была беременна)... Да исполнятся надъ вами всѣ мои благословінія, которыхъ усердіе усугубляется по мѣрѣ того, какъ вы къ разрѣшенію отъ бремени приспѣваете и отъ которыхъ я всякаго благополучія ожидаю, по всѣмъ предвосчувствованіямъ, кои я въ первый разъ имѣла. Г. Салтыковъ немедленно отъѣзжаетъ въ Гамбургъ....» (*) Затѣмъ, распространяясь о своихъ частныхъ дѣлахъ, принцесса писала: «не имѣю я болѣе выгодностей для себя, какъ только дражайшее ваше сердце и дружбу его сіятельства великаго канцлера. Въ томъ одномъ состоятъ всѣ мои высокія права и преимуществва....»

Мать Екатерины, нѣкогда, въ бытность свою въ Россіи враждебная Бестужеву, теперь была съ нимъ, какъ съ вѣрнѣйшимъ сторонникомъ ея дочери, въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ: «труды ваши — писала она къ нему 21 февраля 1756 года — столь славны вашему достоинству и толь благополучны, что отъ всѣхъ удивляемы въ настоящихъ европейскихъ обстоятельствахъ. Весь свѣтъ о томъ вопіетъ, мой государь, и я радуюсь, что, увѣдомляя васъ о томъ, могу способствовать въ дѣланіи вашихъ трофеевъ. Теперь и исполняю я сіи должности столь большею радостію, ибо долженствую вамъ мое удовольствіе, видѣть здѣсь молодаго г. Салтыкова. Позвольте, чтобъ я васъ за то благодарила.... Ревность моихъ желаній распространяется ваче теперь на нашу дражайшую великую княгиню. Ваше сіятельство изволите ль и нынѣ такъ же обо мнѣ припамятовать, какъ и прежде? Я признаюсь, что курьеръ, вами избранный, съ которымъ бы я откровенно говоритъ могла, причинилъ бы мнѣ весьма чувствительное удовольствіе.» Такимъ курьеромъ, по мнѣнію цербетской принцессы, могъ быть Салтыковъ. «Я не сомнѣваюсь—продолжаетъ она далѣе — чтобъ не получили ваше

лено, хотя, впрочемъ, никакнѣтъ противъ оригинала погрѣшностей нѣтъ. 2) Копія, списанная имъ же Пеллинымъ съ письма принцессы цербетской къ Ея Высочеству великой княгинѣ изъ Цербета 21 февраля 1756 г., и т. п. бумаги.

(*) Онъ посланъ былъ туда въ качествѣ русскаго министра.

сіятельство въ свое время моихъ двухъ пакетовъ.... изъ которыхъ одинъ былъ посланъ *черезъ тайный каналъ*, которымъ и сіе письмо отправляется... Вашего сіятельства покорнѣйшая, одолженная и преданная пріятельница и услужница Елисавета.»

Какъ ни маловажны эти письма по содержанію, но они показываютъ, что въ это время между Бестужевымъ, Екатериной, родственниками и друзьями послѣдней существовалъ таинственный, но крѣпкій, надежный союзъ. Довѣреннѣйшія лица великой княгини, пользовавшіяся ея особымъ расположеніемъ, немедленно поступали подъ сильное покровительство Бестужева. Такъ же согласенъ былъ ихъ образъ мыслей и образъ дѣйствій относительно европейскихъ политическихъ «факцій».

Такъ въ 1755—1756 годахъ Екатерина, согласно съ великимъ канцлеромъ, въ бесѣдахъ съ сэромъ Уильямсомъ, заявляла свое нерасположеніе къ Пруссіи и глубокую пріязнь къ Англіи.

Въ совѣтѣ ближнихъ лицъ Елисаветы, собирались въ это время на долгіе и оживленные споры: великій канцлеръ графъ Бестужевъ-Рюминъ, вице-канцлеръ графъ Воронцовъ, графъ Иванъ Ивановичъ и Петръ Ивановичъ Шуваловы, графъ Апраксинъ, Бутурлинъ, Михайлъ Бестужевъ-Рюминъ, Никита Трубецкой и великій князь Петръ Фёдоровичъ. Совѣтъ рѣзко дѣлился на двѣ партіи: англо-прусскую и французско-австрійскую. Предметомъ споровъ и разсужденій служилъ вопросъ: объявить ли недѣйствительною заключенную конвенцію между Англіею и Россіею, такъ какъ сенъ-джемскій кабинетъ заключилъ конвенцію съ королемъ прусскимъ, столь ненавистнымъ нашей императрицѣ? Пренія шли подъ покровомъ глубокой тайны, и только одна великая княгиня получала обстоятельныя извѣстія о нихъ изъ конфиденціальныхъ записокъ ея друга великаго канцлера (*), но не передавала секрета сэру Уильямсу, и онъ оставался въ полной увѣренности, что англо-русскій трактатъ останется въ силѣ, и много если Россія останется нейтральною, но ужь никакъ не присоединится къ возникшему союзу Франціи и Австріи. Между тѣмъ, 1 мая 1756 года, версальскій трактатъ былъ подписанъ, а 27 числа того же мѣсяца Англія объявила Франціи войну. Петербургскій дворъ оставался еще въ сторонѣ, но уже Фрид-

(*) «Тайнымъ каналомъ» для передачи этихъ извѣстій была Владиславова, женщина, приставленная къ великой княгинѣ Бестужевѣ. Зять Владиславовой, Пуговишниковъ, былъ одинъ изъ довѣреннѣйшихъ слугъ вице-канцлера.

рихъ II пересталъ льстить себя надеждой, что эта страшная сѣверная держава, хотя при посредствѣ Англіи, станетъ дѣйствовать въ его интересахъ.

Тучи, между тѣмъ, дѣйствительно, скоплялись надъ нимъ, на петербургскомъ горизонтѣ.

«Личная неприязнь императрицы—такъ писалъ одинъ изъ иноземныхъ пословъ при русскомъ дворѣ—неприязнь къ прусскому королю такъ мало скрыта, что проявляется при всякомъ случаѣ, и стрѣлы, прямо направленные въ короля, бросаются государыней и ея министрами съ особеннымъ удовольствіемъ.»

Дѣло не ограничивалось одними насмѣшками. Въ маѣ 1756 г., въ Лифляндію со всѣхъ сторонъ стали сдвигать многочисленную армію. Какъ же велъ себя въ этомъ случаѣ Бестужевъ-Рюминъ? По свидѣтельству довѣрчиваго Уильямса, «Бестужевъ съ такимъ жаромъ стоялъ за сохраненіе и соблюденіе англо-русскаго трактата, что въ одномъ изъ собраній конференціи (въ апрѣлѣ 1756 г.) императрица даже порицала его за излишнюю приверженность къ Англіи. Порицаніе, однако, его не остановило». Такъ писалъ англійскій посолъ въ то время, когда милліонъ австрійскихъ флориновъ подогрѣвалъ энергію ея сторонниковъ при нашемъ дворѣ, и Бестужевъ-Рюминъ, усыпляя англійскаго посла, дѣйствовалъ въ выгодахъ Австріи, хотя очень и очень осторожно.... Австрійскіе происки дѣлались тѣмъ сильнѣе, что ихъ теперь поддерживала Франція во имя общей ненависти правительства къ прусскому королю и французскаго народа къ Англіи. Агенты версальскаго двора, шевалье Дугласъ и шевалье д'Еонъ, дѣйствовали въ Петербургѣ съ большимъ искусствомъ.

Между тѣмъ, Фридрихъ II, очень хорошо уже понявшій, что нѣтъ надежды не только на содѣйствіе Россіи, но даже и на то, чтобы она оставалась нейтральною, спѣшилъ воспользоваться временемъ. 1 октября Австрійцы разгромлены имъ при Лавозитцѣ, а двѣ недѣли спустя саксонская армія, отрѣзанная въ лагерѣ, кладетъ къ его ногамъ оружіе. Громкія жалобы на бездѣйствіе Россіи посылались изъ Вѣны и Варшавы; агенты того и другаго дворовъ заговорили, что Фридрихъ въ своемъ побѣдоносномъ стремленіи явится въ Россію и возведетъ на престолъ злополучнаго Ивана Антоновича.

Все было пущено въ ходъ, чтобы вызвать изъ бездѣйствія могучую союзницу.... Русская армія получила наконецъ приказъ двинуться въ походъ.

.... По московской, по широкой, по дороженькѣ — заплѣли
наши солдатухи —

Не ковыль трава, братцы, зашаталася,
Не алы цвѣты, братцы, развивались:
Зашаталася тутъ сильна армія,
Сильна армія, царя бѣлаго,
Идучи, братцы, въ землю прусскую,
На чужедальню на сторонущу,
На чужедальню незнакомую!...
Раздувались знамена бѣлыя:
Напередъ идутъ новокорпусны,
Въ середѣ везутъ артиллерію,
Позади ѣдетъ сильна конница,
Славна конница, кирасирская.
Ужъ какъ всѣ веселы идутъ,
Веселы идутъ, принапудрены....

И надъ этой бодрой, сильной и славной арміей назначень
былъ главнокомандующемъ графъ Апраксинъ.

Степанъ Ѳеодоровичъ Апраксинъ, по увѣренію его біографа
Бантышъ-Каменскаго, былъ нѣжный отецъ, другъ вѣрный, лю-
билъ благодѣтельствовать немущимъ, раненымъ и дряхлымъ
воинамъ и имѣлъ *быстрое соображеніе на ратномъ полѣ*.
Но этотъ отзывъ, растворенный тѣми уминительными фразами,
съ какими обыкновенно относился Бантышъ-Каменскій къ *до-
стопамятнымъ*, по его мнѣнію, Россіянамъ, далеко не оправды-
вается многими современниками. Отзывы послѣднихъ, конечно,
не безъ пристрастія, но въ нихъ много и правды. Военныхъ
соображеній Апраксинъ вовсе не имѣлъ: это мы видѣли выше,
это же видно изъ всей его біографіи. Онъ достигъ званія
фельдмаршала не побѣдами на ратномъ полѣ, а «случасемъ», въ
подвигахъ придворной жизни. Мужчина 54 лѣтъ, чудовищнаго,
громднаго тѣлосложенія, расплывшійся отъ необыкновенно рос-
кошной жизни, Апраксинъ доводилъ роскошь въ своей жизни
до ужасныхъ размѣровъ: онъ держалъ «великій столъ»; первый
изъ вельможъ ѣдалъ въ буквальномъ смыслѣ на серебрѣ да на
золотѣ; многія сотни богатѣйшихъ кафтановъ наполняли его
гардеробъ. Во время похода въ Пруссію, все, что только
успокаивало его вкусъ и привычки, все слѣдовало въ его обозѣ,
подъ который недостаточно было 500 лошадей! Это былъ
лѣнивѣйшій изъ смертныхъ, съ болѣе нежели сомнительною
нравственностію и способный склоняться предъ всякимъ, въ комъ

только имѣлъ нужду или кого боялся... Такъ, незадолго до отъѣзда своего въ армию, въ гульливой попойкѣ съ Кирилломъ Разуиовскимъ, Апраксинъ получилъ нѣсколько ручныхъ, весьма убѣдительныхъ доказательствъ силы гетмана, и при этомъ не выказалъ особеннаго негодованія... «Мало знающъ въ вещахъ, пронырливъ, роскошенъ, честолюбивъ, Апраксинъ, по свидѣтельству Щербатова, не отрекался впадать и въ пьянство.» Умѣнье втереться въ довѣренность къ сильнымъ людямъ, вовремя оставить ихъ дружбу, упорно преслѣдовать цѣли своего честолюбія— вотъ отличительныя свойства его характера. Извѣстно, что для достиженія своихъ цѣлей онъ не останавливался ни предъ какими средствами: такъ, его дочь, знаменитая въ свое время красавица, Елена Степановна, была, съ отцовскаго вѣдома, фавориткой графа Петра Шувалова.

Громадность связей Апраксина при тогдашнемъ дворѣ объясняетъ причину, почему именно падъ на него выборъ въ главнокомандующіе: съ одной стороны, онъ былъ «закадычнымъ» другомъ Бестужева-Рюмина, съ другой — сильной поддержкой для него былъ Петръ Шуваловъ, такъ что онъ стоялъ посреди двухъ лагерей, опираясь и на ту, и на другую сторону. Изъ этихъ партій, онъ болѣе держался Бестужева-Рюмина: дѣло въ томъ, что императрица въ то время сильно и часто недомогала, ждали ея кончины, и Апраксинъ, положительно знавшій замыслы Бестужева, вслѣдъ за нимъ искалъ поддержки своей будущности въ «молодомъ дворѣ». О нездоровьи императрицы, о скоромъ переворотѣ намекала ему душа бестужевскаго замысла великая княгиня Екатерина. Подъ вліяніемъ этихъ-то намековъ и тайныхъ совѣщаній съ великимъ канцлеромъ уѣхалъ Апраксинъ къ армии въ Ригу.

То было 30 октября 1756 года. Только 3 мая 1757 года онъ двинулъ армию къ прусской границѣ, шелъ крайне медленно, такъ что только 20 іюля вступилъ въ Пруссію.

Чѣмъ былъ занятъ фельдмаршалъ въ теченіе шестимѣсячнаго своего промедленія въ Ригѣ? балы, торжественныя приемы «валентировъ иноземныхъ», безпрестанныя посылки въ столицу за разными предметами роскоши и удовольствія,—все это развлекало его; но на ряду съ этимъ Апраксинъ зорко приглядывался къ петербургскимъ событіямъ и велъ конфиденціальную переписку съ «закадычнымъ» другомъ своимъ канцлеромъ. Изъ этой переписки уцѣлѣло весьма немного: все, что только могло явно

компрометировать того и другого, все было вовремя уничтожено, при началѣ слѣдствія. Бестужевъ, впрочемъ, въ перепискѣ былъ особенно остороженъ: по его совѣту, Апраксинъ дѣлалъ все, что только можно, чтобъ замедлить свое выступленіе изъ Риги. Канцлеру не хотѣлось отпускать отъ себя далеко чело-вѣка, въ помощи котораго, при плохомъ состояніи здоровья императрицы, онъ сильно нуждался; но противная, и притомъ теперь сильнѣйшая, партія негодовала на медленность фельдмаршала. И вотъ Бестужевъ, не желая преждевременно вызвать ея нападеніе на себя, боясь и того, что письма могутъ попасться въ ихъ руки, писалъ къ Апраксину, чтобъ тотъ не мѣшкалъ—шелъ изъ Риги. «..... Крайне сожалѣю — въ недоумѣніи отвѣчаетъ фельдмаршалъ—что иногда безвинно, не зная вашего сіятельства нынѣ пребывающихъ сентиментовъ, которыя иногда по обстоятельствамъ не преминали ли, столь откровенно и дерзновенно писавъ, не прогнѣваю ли васъ, милостиваго государя? А посліку въ бытность мою въ Петербургѣ, сентименты вашего сіятельства мнѣ были извѣстны. И по всѣмъ тогда бывшимъ разговорамъ согласованіе ваше со мною было, я отнюдь ни мало не отступилъ....» (*)

Апраксинъ отправилъ съ этимъ письмомъ, «для полученія ближайшихъ объясненій», довѣреннѣйшаго изъ своихъ приближенныхъ, генераль-квартирмейстера Веймарна (**). «Вы сами — писалъ о немъ Апраксинъ Бестужеву—изволили (бъ) ему, Веймарну, мнѣнія свои сообщить съ такою жъ откровенностью, съ каковою дерзнулъ я его къ вашему сіятельству отправить.»

«Онъ уже будетъ разумѣть — говорилъ о канцлерѣ Апраксинъ своему посланному—что я пишу.... При отъѣздѣ у насъ о томъ (то есть о войнѣ) иначе говорено было....»

«Сентименты» Бестужева, однако, въ этихъ корреспонденціяхъ продолжались вовсе не въ прежнемъ родѣ: онъ просилъ Апраксина выступать въ походъ, и мало того: приложилъ къ своей просьбѣ письмо великой княгини Екатерины. Въ немъ была также просьба, чтобъ фельдмаршалъ не мѣшкалъ долѣе.

— «Скажи Степану Ѳедоровичу — словами наказывалъ Бестужевъ Веймарну—дабы онъ отложилъ всякое сомнѣніе: увѣрь

(*) Письмо отъ 17 февраля 1757 г. Рига.

(**) Онъ три раза былъ посылаемъ Апраксинымъ изъ Риги въ С.-Петербургъ подъ разными предлогами, но на самомъ дѣлѣ для узнанія «сентиментовъ» канцлера и вообще партіи молодого двора.

его, что сіе письмо великой княгини и ея рукою писано, и скажи ему, чтобы онъ не сумнѣвался ничего.»

Но Степанъ Федоровичъ не только заявилъ «сумнѣніе», но, по прочтеніи письма великой княгини, рѣшительно разсердился: «я знаю—сказалъ онъ—это канцлеровы финты». Для повѣрки, онъ вынулъ изъ шкатулки другое письмо Екатерины, сличалъ его съ полученнымъ: письма были сходны.

«Почтеннѣйшее вашего сіятельства писаніе—отвѣчалъ Апраксинъ—писаніе чрезъ генерала квартирмейстера Веймарна, я исправно получить честь имѣлъ, на которое впредь обстоятельно отвѣтомъ служить буду. А теперь за учиненныя мнѣ, какъ онымъ, такъ и словесными отзывами обнадеживанья въ продолженіи вашей ко мнѣ милости и дружбы нижайше благодарю, которыя я за наидрагоценнѣйшее сокровище себѣ всегда почитаю, взаимно ваше сіятельство удостовѣрить могу, что съ моей стороны дружба и преданность къ вамъ до гроба ненарушима будетъ.»

Въ такихъ нѣжныхъ выраженіяхъ изливалъ свои чувства Апраксинъ предъ закадычнымъ другомъ; о дѣлѣ же, въ отвѣтъ на то же письмо канцлера и письмо Екатерины, было писано Веймарномъ нѣсколько дней спустя, подъ диктовку фельдмаршала. Письмо это, на нѣмецкомъ языкѣ, было длинно и полно весьма важныхъ и искусно замаскированныхъ намековъ на таинственное соглашеніе двухъ друзей. «Если осмѣлился я въ письмѣ моемъ—говорилъ между прочимъ Апраксинъ—упомянуть объ отиѣнѣ сентиментовъ вашихъ, то тѣмъ ни мало не разумѣлъ я собственной вашего сіятельства дружбы ко мнѣ, которую я за непоколебимую почитаю, но по однимъ только догадкамъ о какой нибудь переиѣнѣ мнѣній въ положенной на предѣ сего системѣ. Всепокорнѣйше прошу ваше сіятельство принять въ разсужденіе, по присланнымъ ко мнѣ понудительнымъ указамъ о поспѣшеніи похода и начатіи воинскихъ дѣйствъ, да и еще зимою, не надлежало ли мнѣ чаять объ отиѣненіи мнѣній вашего сіятельства, *потому что оныя казались совсѣмъ противными тѣмъ мѣрамъ*, о коихъ ваше сіятельство еще при отъѣздѣ моемъ изъ С.-Петербурга, а именно, чтобы въ походъ не выступать до тѣхъ поръ, пока все къ тому приуготовлено не будетъ, изъясниться и со мною о томъ согласиться изволили...» «И понеже мнѣнія вашего сіятельства — писалъ далѣе Апраксинъ, при посредствѣ своего кліента Веймарна — какъ уже

выше сего упомянуто (въ настоящее время), совсѣмъ противны такимъ предпріятіямъ, при непрестанномъ понужденіи моемъ выступить съ войскомъ, почти инаго ничего догадываться мнѣ не оставалось, какъ что ваше сіятельство *прежнія мнѣнія свои* конечно отмѣнили; нынѣ же я несказанно успокоенъ и всепокорнѣйше приношу вашему сіятельству благодареніе, что изволили меня не токмо дражайшимъ письмомъ вашимъ, но и чрезъ генерала квартирмейстера Веймарна увѣдомить, какъ о *нереальныя сентиментахъ вашихъ, такъ и о прочихъ обстоятельствахъ.*» (*)

Какъ ни туманны эти намеки, какъ ни искусно они затупеваны фразами, которымъ можно придать двоякое значеніе, но, кажется, нѣтъ сомнѣнія въ слѣдующемъ: великій канцлеръ положительно просилъ Апраксина, въ бытность его еще въ Петербургѣ, сколь возможно замедлить началомъ военныхъ дѣйствій; затѣмъ тотъ же Бестужевъ пишетъ понудительные указы къ выступленію: явно, что это дѣлается вслѣдствіе рѣшительнаго усиленія французско-австрійской партіи при нашемъ дворѣ и изъ опасенія, что его письма какъ нибудь могутъ быть перехвачены; завсѣмъ тѣмъ, явно и то, что не вся корреспонденція за это время Бестужева къ Апраксину состояла изъ «понудительныхъ» приказовъ. Вопреки письмамъ Екатерины, «сентименты» великаго канцлера не измѣнялись; онъ только наружно, на бумагѣ, уступалъ своимъ противникамъ, но въ то же время передавалъ словесно чрезъ Веймарна какія-то таинственныя инструкціи. Въ чемъ онѣ состояли, ни Веймарнъ, ни Бестужевъ, ни Апраксинъ не сказали этого на допросахъ, не осталось и подлинныхъ писемъ, шедшихъ чрезъ «тайный каналъ», которыя могли бы разъяснить дѣло. А эти письма были. Такъ, въ одномъ изъ своихъ отвѣтовъ канцлеру (отъ 12 іюля), фельдмаршалъ упоминаетъ о «весьма важныхъ двухъ примѣчаніяхъ, отъ него присланныхъ». Точно также не сохранились и не дошли до насъ письма великой княгини къ Апраксину; фельдмаршалъ проговорился впоследствии, что отъ нея было *шесть* писемъ. Въ одномъ изъ нихъ великая княгиня просила спѣшить походомъ, что было, такъ сказать, только маскою остальной корреспонденціи. Несомнѣнно, что она велась въ духѣ партіи, въ видахъ одного замысла: въ одномъ изъ этихъ писемъ, Екатерина проситъ Апраксина прими-

(*) Письма отъ 4 и 9 марта 1757 г. Рига.

ряться съ Кирилломъ Разумовскимъ. На него не могъ не сердиться Апраксинъ за его кулачную съ нимъ потѣху, но Разумовскій нуженъ былъ для *партии*, и вотъ княгиня сближаетъ двухъ своихъ сторонниковъ. Въ другомъ письмѣ она упрекаетъ фельдмаршала, что тотъ послалъ къ ней письмо чрезъ Измайлова, то есть «сталъ употреблять иные каналы».

Но что же это былъ за замыселъ, въ виду котораго «закадычные» друзья, Бестужевъ, Апраксинъ и великая княгиня, соблюдали такія строгія предосторожности? О немъ много намековъ въ слѣдственномъ бестужево-апраксинскомъ дѣлѣ; но нѣтъ ли какихъ рассказовъ лицъ, въ немъ участвовавшихъ? Есть, — это рассказъ самой Екатерины.

«Болѣзненное состояніе императрицы Елисаветы — пишеть Екатерина — и ея частыя конвульсія заставляли всѣхъ думать о будущемъ. Графъ Бестужевъ, и по мѣсту своему и по своимъ способностямъ, конечно, не менѣе другихъ долженъ былъ заботиться о томъ, что предстояло. Онъ зналъ, что великому князю съ давнихъ поръ внушено къ нему отвращеніе. Ему очень хорошо была извѣстна умственная слабость этого государя, рожденнаго наслѣдникомъ столькихъ престоловъ. Очень естественно было, что этотъ государственный человѣкъ, какъ и всякій другой, желалъ удержаться на своемъ мѣстѣ. Онъ зналъ, что я уже много лѣтъ перестала внимать внушеніямъ, которыя сначала отдаляли меня отъ него. Кромѣ того, въ личномъ отношеніи, онъ, можетъ быть, считалъ меня единственнымъ существомъ, на которомъ, въ случаѣ смерти императрицы, могла быть основана надежда общества. Вслѣдствіе такихъ и подобныхъ размышленій, онъ составилъ планъ, чтобы, какъ скоро императрица скончается, великій князь по праву былъ объявленъ императоромъ, но чтобы въ то же время мнѣ было предоставлено публичное участіе въ управленіи. Всѣ лица должны были остаться при своихъ мѣстахъ; Бестужевъ получалъ званіе подполковника въ четырехъ гвардейскихъ полкахъ и предсѣдательство въ трехъ государственныхъ коллегіяхъ: иностранной, военной и адмиралтейской. Такимъ образомъ, желанія его были чрезмѣрны. Онъ прислалъ мнѣ проектъ этого манифеста, написанный рукою Пуговишникова; но я, поговоривъ съ графомъ Понятовскимъ, чрезъ котораго манифестъ былъ мнѣ доставленъ, отвѣчала ему словесно, что благодарю его за *добрыя намѣренія* относительно меня, и считаю, что ихъ очень трудно исполнить.

Онъ писалъ и переписывалъ свой проектъ много разъ, переи́нялъ его, распространялъ, сокращалъ и былъ, повидимому, имъ очень занятъ. *Сказать по правдѣ*, я смотрѣла на его проектъ почти какъ на бредни и какъ на приманку, посредствомъ которой этотъ старикъ хотѣлъ больше войти ко мнѣ въ довѣренность; *но я не думала* поддаваться, потому что считала проектъ этотъ вреднымъ для государства, долженствовавшаго терпѣть отъ малѣйшей ссоры между мною и не любившимъ меня мужемъ; но такъ какъ все это были еще одни предположенія, то я не хотѣла противорѣчить упрямому старику, котораго трудно было разубѣдить, когда онъ что нибудь забиралъ себѣ въ голову.»

Свидѣтельство въ этомъ дѣлѣ, и притомъ такого лица какъ Екатерина, въ высшей степени важно. Но изслѣдователю, прежде нежели принять его, необходимо рѣшить вопросъ: на сколько *правды*, искренности въ этомъ разказѣ. Понятно, что одного завѣренія Екатерины — *сказать по правдѣ* — недостаточно. Для разрѣшенія этого вопроса, надо вспомнить слѣдующее обстоятельство: Екатерина писала свои воспоминанія въ 1780-хъ годахъ, то есть когда она уже прочно сидѣла на престолѣ. Какъ она смотрѣла на то, что писала о своемъ прошломъ? Какъ на оправданіе предъ судомъ потомства. Бестужевскій замыселъ былъ дѣломъ «вреднымъ для государства» — такъ она смотрѣла на него впоследствии, какъ русская императрица и какъ въ сущности и должно было смотрѣть; естественно, что сознаться въ близкомъ участіи въ этомъ *вредномъ* замыслѣ она не рѣшилась: для нея и безъ того еще предстояло много такихъ событій, по поводу которыхъ едва ли могло сложиться оправданіе. Итакъ, она смотрѣла на бестужевское дѣло какъ на бредни, и притомъ вредныя для государства. Если допустить, что такой взглядъ у нея былъ и въ 1757 г., то является вопросъ: почему же она не донесла о нихъ императрицѣ, какъ донесла на поведеніе своего супруга? почему, видѣсто равнодушія къ бреднямъ, она подарила составителю ихъ золотую табакерку съ собственнымъ портретомъ (*) и вступила въ таинственную переписку не только съ нимъ, Бестужевымъ, но что еще важнѣе — съ Апраксинымъ? Для чего ей нуженъ былъ Апраксинъ? А вотъ для чего. Проектъ Бестужева состоялъ *въ манифестъ*: чтобъ его об-

(*) Показаніе великаго канцлера 2 января 1759 года.

народовать и осуществить на дѣлѣ, требовалась военная сила, а надъ нею командовалъ Апраксинъ.... Итакъ, вступая съ нимъ въ переписку, считала ли Екатерина въ 1757 г. бреднями то, о чемъ такъ презрительно отзывается тридцать лѣтъ спустя? Очевидно, что нѣтъ. Затѣмъ, называя бестужевскій проектъ «вреднымъ», Екатерина этимъ самымъ устраняла отъ себя подозрѣнiе, что и она была, между прочимъ, виновницею преждевременной и столь плачевной для Русскихъ развязки гроссъ-егерндорфской викторiи. Русской *императрицы*, Екатеринѣ было очень важно увѣрить потомство, что и въ 1757 году, какъ и впоследствии, она смотрѣла на враговъ Россiи, лучше сказать правительства, какъ на своихъ собственныхъ, и въ этомъ случаѣ вовсе не походила на Петра Федоровича.

Всѣ эти вопросы ведутъ къ совершенному сомнѣнiю въ *искренности* свидѣтельства Екатерины. Оно важно для характеристики этой замѣчательной личности, но вовсе не можетъ разъяснить отношенiй ея, какъ великой княгини, къ Бестужеву и къ Апраксину. Мы позволяемъ себѣ сомнѣваться и въ томъ, чтобы проектъ великаго канцлера былъ именно такой, какимъ передаетъ его Екатерина: вѣрнѣе, что онъ имѣлъ въ виду рѣшительное устраненiе отъ престола Петра и воцаренiе малютки Павла подъ регентствомъ его матери. Для осуществленiя столь дерзкаго замысла, нужно было, какъ мы уже сказали, войско подъ рукой, — и вотъ Апраксинъ «запинается» походомъ въ Пруссiю. И немудрено: здоровье императрицы въ это время было крайне плохо — съ недѣли на недѣлю ждали печальнаго исхода ея болѣзненнымъ припадкамъ.

«Здоровье императрицы далеко не хорошо — писали еще въ 1755 году иноземные послы при нашемъ дворѣ—она ищетъ уединенiя и спокойствiя, стала чрезвычайно задумчива и ведетъ жизнь совершенно затворническую. Она харкаетъ кровью, страдаетъ одышкой и сильнымъ кашлемъ, ноги распухли, въ груди водяная.» Въ 1756 году недуги усилились. Шуваловы ходили огорченными и озабоченными и отъ времени до времени дѣлались весьма предупредительными къ «молодому двору». Придворные шушукали между собой, увѣряя, что Ея Величество въ положенiи несравненно опаснѣйшемъ, нежели говорятъ о томъ; одни называли ея болѣзнь истерическими припадками, другiе обмороками, третьи корчами, раздраженiемъ нер-

вовъ и т. д. 8 сентября 1757 года (*), въ бытность свою въ Царскомъ Селѣ, государыня, при выходѣ изъ церкви, упала на траву, въ сильнѣйшемъ истерическомъ припадкѣ. Ее обступила толпа народа, сошедшагося изъ окрестныхъ деревень на праздникъ (то былъ день Рождества Богородицы) къ обѣднѣ. Сбѣжавшіеся доктора пустили ей кровь, и государыня слишкомъ два часа пролежала на открытомъ воздухѣ, на принесенной кушеткѣ, прежде нежели ее привели въ чувство и перенесли во дворецъ. Событіе сдѣлалось гласнымъ....

Въ это время гроссъ-егерндорфскій побѣдитель стягивалъ свои отряды назадъ къ Тильзиту (**). Онъ имѣлъ въ виду сильно укрѣпить его, какъ опорный пунктъ послѣдующихъ военныхъ операций, а, между тѣмъ, въ ночь съ 14 на 15, оставя свое намѣреніе, быстро двинулся далѣе къ роднымъ предѣламъ. «Это поспѣшеніе обратнаго похода—по выраженію современнаго документа—справедливую причину подало (при дворѣ) не только подозрѣвать, но и несомнѣнно вѣрить, что, конечно, онъ о припадкѣ государыни (8 сентября) увѣдомленъ былъ.»

17 октября, какъ мы видѣли выше, было послѣднее донесеніе фельдмаршала въ качествѣ главнокомандующаго. 1 (13) ноября 1757 года онъ прибылъ въ Нарву. Въ декабрѣ, въ одѣ на день рожденія Елисаветы, Ломоносовъ, воспѣвая высокія добродѣтели императрицы и ея безсмертныя прошлыя дѣянія, бряцалъ между прочимъ:

Противныя страны трепещуть,
Вопль, шумъ вездѣ и кровь и звукъ,
Ужасные перуны менцуть
Размахи сильныхъ русскихъ рукъ.....
..... Какъ сверженный гигантъ реветъ,
Поцранъ російскою ногою,
Стѣсненъ какъ страшною горою,
Напрасно тяжки узы реветъ.
Тамъ мракъ божественнаго гнѣву
Подвергнулъ грады и полки
На жертву алчной смерти зѣву,
Терзанью хладныя руки:
Тамъ слышанъ вой въ оружномъ трескѣ,
Изъ тучъ при смертоносномъ блескѣ,
Кровавыя трупы множатъ страхъ. и т. д.

(*) Въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ ошибочно указано, что это было въ 1758 году.

(**) Екатерина не беретъ разъяснить причину этого отступленія; въ своихъ оправдательныхъ запискахъ она рѣшительно устраняетъ себя отъ этого дѣла, клянется, что ничего не знала, и даже винить фельдмаршала.

Въ этомъ «мракѣ божественнаго гнѣва», въ рядахъ Россовъ, поражающихъ чудище-гиганта «размахами сильныхъ рукъ», поэтъ уже не отрицалъ своимъ стихомъ фельдмаршала Апраксина. Да оно и не могло быть иначе. Ломоносовъ, весьма близкій къ Шуваловымъ, не могъ не знать, что въ это время конференцъ-секретаремъ Волковымъ заготовлены были допросные пункты побѣдителя-бѣглецу: то былъ шагъ къ опалѣ.... Она нависла надъ Апраксинымъ, и поэтъ не дернулъ вспоминать о его трофеяхъ.

19 (31) января 1758 года, «государственный инвизиторъ» Александръ Ивановичъ Шуваловъ отправился въ Нарву, для снятія допросовъ. 23 января онъ вернулся съ отобранными у фельдмаршала письмами великой княгини Екатерины. Степанъ Федоровичъ, отдавая *эти* письма, очень хорошо зналъ, что въ нихъ ничего не будетъ такого, что бы скомпрометировало «молодой дворъ». Онъ не потерялся, какъ можно видѣть изъ того, что не задумался дать присягу: «молодому двору никакихъ общаній не дѣлалъ и отъ него никакихъ замѣчаній въ пользу прусскаго короля не получалъ».

Нѣсколько дней спустя, фельдмаршала графа Апраксина привезли арестованнымъ въ урочище Три-Руки, лежащее на петербурго-московской дорогѣ. Его обвиняли въ государственной измѣнѣ; въ томъ же заподозрили канцлера Бестужева-Рюмина.

IV.

СЛѢДСТВІЕ И СУДЪ.

Въ половинѣ августа 1757 года, англійскій посолъ сэръ Чарльсъ Уильямсъ былъ отозванъ. Онъ уѣхалъ, увозя съ собой письменное увѣреніе великой княгини въ ея глубокой симпатіи къ Англіи. Отъѣздъ Уильямса самъ по себѣ сильно ослабилъ партію Екатерины.

Съ удаленіемъ англійскаго посла, широкое поле открывалось предъ представителями Франціи и Австріи: маркизомъ л'Опиталемъ и графомъ Естергази. Ихъ соединенными усиліями, при сильной поддержкѣ Шуваловыхъ, получена была отставка и повелѣніе арестовать Апраксина; Бестужевъ чувствовалъ, что и его паденіе близко. Императрица не позволяла ему являться къ себѣ, при встрѣчахъ на выходахъ и куртагахъ обращалась къ нему съ лицомъ строгимъ. Все это ничего не предвѣщало хорошаго.

Суббота, 14 февраля, если вѣрить современному календарю, была однимъ изъ мрачныхъ дней. Невесело было на дворѣ, невесело было на душѣ великаго канцлера; онъ тревожно ждалъ исполненія своего предчувствія; самыя стѣны его богатаго дома, стоявшаго на мѣстѣ нынѣшняго Сената, какъ бы шептали ему о горькой долѣ прежнихъ его владѣльцевъ: графа Миниха и графа Остермана.... Коммиссія, при разборѣ бумагъ его друга фельдмаршала, нашла уже документы, по которымъ можно было потребовать объясненій со стороны великаго канцлера; только отсутствіе рѣшительности въ Шуваловыхъ и въ ихъ союзникѣ вице-канцлерѣ Воронцовѣ замедлило паденіе Бестужева. Но въ этотъ день все рѣшилось. Графъ Воронцовъ и графъ Иванъ Шуваловъ, подстрекаемые маркизомъ л'Опиталемъ, отправились къ императрицѣ. Смыслъ ихъ рѣчей былъ таковъ: вліяніе графа Бестужева омрачаетъ ея славу въ Европѣ. Рѣчи были убѣдительны. Въ тотъ же вечеръ во дворцѣ созвана конференція. На нее, по высочайшему повелѣнію, потребовали великаго канцлера. Тотъ сказался больнымъ. Неосторожное уклоненіе его отъ отвѣтовъ дало оружіе врагамъ: боѣзнь названа неповиновеніемъ, и Бестужеву приказано немедленно явиться. Бестужевъ явился. Въ полномъ собраніи конференціи его арестовали, лишили должностей, чиновъ и орденовъ; но еще положительного не было извѣстно, за что такая немилость постигла перваго сановника. Послали за ротой гвардейскихъ солдатъ; солдаты, проходя по берегу Мойки, мимо домовъ графовъ Александра и Петра Шуваловыхъ, говорили между собой: «ну, слава Богу, мы теперь возьмемъ этихъ проклятыхъ Шуваловыхъ; они только и дѣлаютъ, что выдумываютъ пошрины.» Но когда, подъ ихъ присмотромъ, отправленъ былъ въ свой домъ арестованный Бестужевъ, солдаты говорили: «это не онъ, это другіе обираютъ народъ». (*)

Паденіе великаго канцлера произведено было подъ покро-

(*) Солдатскіе толки записаны Екатериной; но вѣрить въ этомъ случаѣ ея разсказу надо не иначе, какъ съ большою осторожностью. Солдаты, какъ и всегда, едва ли могли негодовать за пошрины, налагаемыя на народъ: интересы солдатства, при безкопечной почти службѣ тогдашняго солдата, были чужды интересамъ народа. Весьма вѣроятно, что кто нибудь, желая подслужиться великой княгинѣ, сочинилъ, что де и солдаты негодуютъ на ея враговъ Шуваловыхъ. Шуваловыхъ она ненавидѣла отъ всей души, всегда называла ихъ самыми ничтожными, дурными людьми. Понятно, что при такомъ озлобленіи трудно ждать въ ея разсказѣ безпристрастія и справедливости.

вошь глубокой тайны: не только въ городѣ, но и въ самомъ дворцѣ, въ тотъ день никто, кромѣ дѣйствующихъ лицъ въ этой драмѣ, не знали о происшедшемъ. Великій князь и его жена жили во флигелѣ, близъ дворца, и не знали, что врагъ перваго и другъ послѣдней былъ уже не болѣе, какъ арестантъ. Въ тотъ же вечеръ, схвачены бриллиантикъ Бернарди, бывший адъютантъ графа Разумовскаго, Елагинъ, и учитель русскаго языка у великой княгини, Адагуровъ. Всѣ эти лица были довѣреннѣйшіе кліенты Бестужева и великой княгини и служили усердно въ ихъ общемъ замыслѣ.

Такимъ образомъ, враги великаго канцлера могли надѣяться, что они многое и многое узнаютъ отъ арестованныхъ. Совершенная гибель Бестужева казалась неизбежною. Но они ошиблись: Бестужевъ и въ несчастіи, его постигшемъ, являлъ прежнія черты ума необыкновенно находчиваго и изворотливаго; онъ и въ опалѣ стоялъ неизмѣримо выше своихъ враговъ умнѣеи владѣть собой и направлять своихъ сторонниковъ въ ихъ показанія.

Екатерина узнала о всемъ случившемся въ воскресенье утромъ, 15 февраля. Ее извѣстилъ графъ Понятовскій. Записка графа изумила ее. «Когда я стала размышлять о ней — рассказывала впоследствии Екатерина — тысячи ощущеній, одно другаго неприятели, наполнили мою душу. Словно съ кинжаломъ въ сердцѣ я одѣлась и пошла къ обѣдни, гдѣ мнѣ показалось, что почти всѣ, кого я встрѣчала, ходили съ такими же длинными лицами, какъ и я. Никто во весь день ничего не говорилъ мнѣ, какъ будто не было извѣстно о случившемся. Я тоже хранила молчаніе. Великій князь показался мнѣ въ этотъ день довольно веселымъ. Онъ никогда не любилъ графа Бестужева. Теперь онъ держался отъ меня довольно далеко.»

Въ тяжелой неизвѣстности проведено было утро; вечеромъ надо было идти на двѣ свадьбы: графа Бутурлина и Льва Нарышкина. Ужинъ и балъ тянулись вяло, въ группахъ танцующихъ виднѣлись испуганныя лица, всѣ чего-то ждали; отсутствие императрицы еще болѣе беспокоило придворныхъ, особенно тѣхъ, которые имѣли какое нибудь отношеніе къ возникающему *государственному* дѣлу. Тутъ были и слѣдователи-судьи, враги великаго канцлера: князь Никита Юрьевичъ Трубецкой и графъ Бутурлинъ.

Екатеринѣ, вообще охотницѣ до танцевъ, теперь было не до

нихъ; вся въ волненіи, она приближается къ Трубецкому, внимательно разсматриваетъ ленты на его маршальскомъ жезлѣ и говоритъ вполголоса:

— Что все это значитъ? Нашли ли вы больше преступленій, нежели преступниковъ, или у васъ больше преступниковъ, нежели преступленій?

— Мы сдѣлали, что намъ было приказано, отвѣчаетъ умный, но злой и мстительной Никита Юрьевичъ Трубецкой, личный врагъ Бестужева:—мы исполнили приказаніе, а преступленій еще ищутъ. До сихъ поръ поиски не удаются.

Съ тѣми же распросами приступаетъ великая княгиня къ фельдмаршалу Бутурлину.

— Бестужевъ арестованъ, отвѣчаетъ тотъ: — но теперь мы ищемъ причины ареста.

Заботливый другъ великаго канцлера, Екатерина едва ли была бы такъ смущена его несчастіемъ, если бы не страшилась за открытіе проекта. Судя по ея испугу, смѣло можно предположить, что этотъ проектъ былъ вовсе не столь невиннаго содержанія, какое передано впоследствии *оправдывающейся* Екатериной. За подобный проектъ, особенно при отсутствіи письменнаго на него согласія, нечего было бояться Екатерины; а, между тѣмъ, она была сильно испугана: явно, что проектъ прямо заявлялъ ея участіе въ важномъ замыслѣ на переворотъ въ государствѣ. Къ несчастію для исторіи, *подлинный* проектъ Бестужева и Екатерины исчезъ навѣки: онъ былъ сожженъ прежде, нежели достался въ руки враговъ его составителей. Вообще «опальные» прекрасно воспользовались десятью днями послѣ арестовъ, въ продолженіе которыхъ ихъ не приводили къ допросамъ. Они нашли способъ завязать сношенія съ своими сторонниками, оставшимися на свободѣ: такъ Бестужевъ изъ-подъ строгаго домашняго ареста завязалъ переписку съ голштицемъ Штамке, главнѣйшимъ пособникомъ его при «молодомъ дворѣ». Трубачъ-сгеръ клалъ записки графа въ назначенное мѣсто, между кирпичами, недалеко отъ его дома. Ихъ бралъ и передавалъ по принадлежности Штамке. Послѣ первой же записки канцлера, извѣщавшей о сожженіи проекта, обрадованная Екатерина извѣстила о томъ Пуговишникову, который былъ ни живъ, ни мертвъ отъ страха.

Екатерина вообще приняла во всемъ дѣлѣ самое дѣятельное участіе: сносила съ Бестужевымъ, сносила съ другими аре-

стантами по его дѣлу, ободряла тѣхъ, которые, впрочемъ, ничего существеннаго не знали, *говорить правду*, и вообще своими хлопотами сама обнаруживала, что дѣло слишкомъ ей было близко. Явно, что изъ-за *бредней* старика, какъ она называла впоследствии проектъ, она бы не стала такъ беспокоиться; но въ *бредняхъ* было слишкомъ много ея участія, и оно было слишкомъ преступно. Не беспокоиться было бы странно. А беспокойство было велико; всѣ мелочи этого времени глубоко врѣзались въ память Екатерины, и она почти тридцать лѣтъ спустя такъ о нихъ рассказывала:

«Тогда же (17 — 20 февраля) камердинеръ мой Шкуринъ сказалъ мнѣ, что капитанъ, приставленный сторожить графа Бестужева — его давнишній пріятель, у котораго онъ объѣдаетъ каждое воскресенье, когда уходитъ отъ двора. Я ему сказала, что если это такъ и что если онъ можетъ рассчитывать на капитана, то чтобъ постарался узнать, не согласится ли онъ ослабить надзоръ надъ своимъ плѣнникомъ. Это тѣмъ болѣе было нужно, что графъ Бестужевъ своимъ путемъ увѣдомилъ Штабке о необходимости извѣстить Бернарди, чтобы онъ на допросахъ говорилъ сущую правду (*), и въ то же время дать знать ему, о чемъ стануть его допрашивать. Когда я узнала, что Шкуринъ охотно берется открыть доступъ къ графу Бестужеву, я сказала ему, чтобы онъ постарался также найти средства для сношенія съ Бернарди и похлопоталъ, нѣтъ ли возможности склонить къ тому сержанта или солдата, у котораго Бернарди находился подъ арестомъ. Въ тотъ же день вечеромъ Шкуринъ донесъ мнѣ, что Бернарди находился подъ арестомъ у гвардейскаго сержанта Калышкина и что онъ завтра будетъ имѣть свиданіе съ симъ послѣднимъ. Къ пріятелю своему, капитану, сторожившему графа Бестужева, Шкуринъ посылалъ спрашивать, можетъ ли онъ съ нимъ видѣться, и получилъ въ отвѣтъ, что если хочетъ поговорить съ нимъ, то чтобъ приходилъ къ нему; но одинъ изъ его подначальныхъ, котораго Шкуринъ также зналъ и который былъ его родственникъ, отсоветовалъ ему идти, сказавши, что капитанъ хвастался насдинѣ, что какъ скоро Шкуринъ придетъ, онъ его возьметъ подъ арестъ и тѣмъ выслужится предъ начальствомъ. Такимъ обра-

(*) Это тѣмъ болѣе было легче, добавимъ отъ себя, что Бернарди, Итальянецъ-бриллианщикъ, былъ только простымъ переносчикомъ разныхъ записокъ. Содержаніе и важность записокъ для него оставались неизвѣстными.

зомъ, Шкуринъ пересталъ посылать къ капитану, своему ложному другу. За то Калышкинъ, съ которымъ я велѣла говорить отъ моего имени, передавалъ Бернарди все что угодно, и оба они исполняли наши приказанія.» (1)

Благодаря всѣмъ этимъ мѣрамъ, великій канцлеръ могъ спокойно встрѣтить допросы своихъ судей противниковъ. То были: графъ Александръ Ивановичъ Шуваловъ, графъ Александръ Борисовичъ Бутурлинъ и князь Н. Ю. Трубецкой. Бестужевъ вполне приготовился и обезопасилъ себя отъ неосторожныхъ уликъ прочихъ арестантовъ. Осторожность тѣмъ болѣе была нужна для него, что дѣлопроизводителемъ слѣдственной коммиссiи былъ Дмитрій Васильевичъ Волковъ (2).

Волковъ былъ человѣкъ по своему времени весьма образованный, прекрасно зналъ иностранные языки, искусно владѣлъ перомъ, былъ отличенъ Бестужевымъ, какъ замѣчательный дѣлецъ, и принятъ имъ въ домашніе секретари. Волковъ скоро въ совершенствѣ узналъ характеръ своего патрона и еще быстрѣе ознакомился съ важнѣйшими государственными дѣлами, проходившими чрезъ его руки. Но вотъ въ 1755 году онъ навлекъ на себя сильный гнѣвъ великаго канцлера, запутался къ тому жъ въ долгахъ, которые надѣлалъ неумѣренною страстію къ игрѣ, и, бросивъ жену, дѣтей, бѣжалъ. Такъ какъ онъ завѣдывалъ выдачей паспортовъ, то полагали, что онъ самъ написалъ себѣ заграничный паспортъ, съ тѣмъ, чтобы ѣхать въ Берлинъ и открыть тамъ тайны русскаго кабинета. Начались розыски; но Волковъ предупредилъ ихъ и явился изъ лѣсовъ, гдѣ скитался. Ему были рады Шуваловы: въ немъ они увидѣли врага своему врагу. Долги Волкова были уплачены, и онъ принятъ секретаремъ въ конференцію. Секретарь очень пригодился противникамъ великаго канцлера: по свидѣтельству секретаря саксонскаго посольства, весьма близко знавшаго Волкова, «*Волковъ открылъ проектъ бестужевскій исключить великаго князя изъ престолонаслѣдія*» (3).

Вотъ съ какимъ человѣкомъ лицомъ къ лицу становился графъ

(1) «Тѣмъ болѣе—заключаетъ Екатерина—что должны были говорить сущую правду». Эта фраза опять-таки не имѣетъ того значенія, какое хочетъ дать ей Екатерина въ своихъ *опредѣлительныхъ* запискахъ.

(2) Помощникомъ Волкова по части переписки допросовъ, докладовъ и т. п. бумага былъ регистраторъ тайной канцеляріи Емельяновъ.

(3) Гельбингъ ошибочно говоритъ, что Волковъ помирился съ Бестужевымъ послѣ возвращенія своего изъ бѣговъ. «*Russische Günstlinge*», изд. 1809 г., стр. 253—257

Алексѣй Петровичъ. Оба противника изворотливы, оба умы, оба прекрасно знаютъ современную юридику, оба знаютъ и всей душой ненавидятъ другъ друга, оба отличаются, по своему времени, высокимъ образованіемъ и высочайшимъ лукавствомъ.

Тѣмъ интереснѣе будетъ возникающій бой такихъ замѣчательныхъ противниковъ. Первые допросы произведены были 25 и 26 февраля. Ихъ нѣтъ при дѣлѣ (*); но изъ послѣдующихъ допросовъ видно, что на первомъ канцлеру показывали его письмо къ великой княгинѣ и спрашивали объясненій. Онъ притворялся, что будетъ говорить совершенно искренно, причастился святыхъ таинъ, но говорилъ затѣмъ «съ такимъ безпримѣрнымъ упорствомъ и жестокосердіемъ», что судьи ничего не могли добиться къ его обвиненію. «Подозрѣніями ничего доказать не можно», писалъ допрашиваемый съ полною увѣренностію, что факты едва ли будутъ найдены. Этого сильно боялись Шуваловы, Воронцовъ и комп., боялись, что, за недостаткомъ «винъ», милосердая государыня вновь приблизитъ къ себѣ опальнаго. Вотъ почему поспѣшили они закрѣпить опалу манифестомъ. Волкову велѣно было въ комитѣѣ Ив. Шувалова написать манифестъ и представить публикѣ причины, побудившія императрицу наложить гнѣвъ на великаго канцлера. «Волковъ и патроны его—саркастически рассказываетъ Екатерина—на этомъ тайномъ сходбищѣ ломали себѣ головы, отыскивая преступленія, наконецъ придумали оскорбленіе величества, написали, будто Бестужевъ старался поселить несогласіе между государыней и ихъ высочествами.»

27 февраля, въ пятницу, манифестъ былъ опубликованъ во всенародное извѣстіе (**). Но въ немъ, вопреки словамъ Екатерины, ничего еще не было объ оскорбленіи величества, а просто говорилось, что такъ какъ: «Мы повелѣла бывшего канцлера Бестужева (Рюмина) арестовать, лиша всѣхъ чиновъ и

(*) Вотъ опись документамъ: «реестръ вложеннымъ дѣламъ по номерамъ: № 1 вопросы съ отвѣтами 27 февраля 1758 г.; № 2 тоже, 4 марта (отвѣтовъ, однако, нѣтъ); № 3 тоже, отъ 30 марта; № 4 записка или протоколъ о найденныхъ письмахъ отъ 7 апрѣля обще и съ помянутыми письмами (письма только въ извлеченіяхъ); № 5 вопросъ съ отвѣтомъ о табакеркѣ, отъ 2 января 1759 г.; № 6 малевскій докладъ о Апраксинѣ; № 7 докладъ отъ комиссіи о гр. Бестужевѣ-Рюминѣ, 17 апрѣля 1758 г.; № 8 вины гр. Бестужева-Рюмина и Апраксина; № 9 проектъ манифеста о гр. Бестужевѣ-Рюминѣ; № 10 допросъ Сталькову.

(**) См. въ «Полн. Собр. Зак.», т. XV, № 10802. Документъ этотъ перепечатанъ у Терещенко, II, с. 83, и въ другихъ сочиненіяхъ, почему мы его и не приводимъ.

достоинствъ, то, конечно, надобно, чтобъ преступленія его велики и того достойны были».

Это конечно надо было еще подтвердить слѣдствіемъ. Къ нему приступлено въ тотъ же день, 27 февраля. Вопросы сочинялъ и переписывалъ Волковъ; Бестужевъ долженъ былъ отвѣчать на нихъ словесно; показанія его записывались тѣмъ же Волковымъ.

«Ея Императорское Величество—объявилъ допросчикъ—твоими, вчера учиненными отвѣтами и малою въ нихъ искренностію такъ недовольна, что повелѣваетъ еще, да и въ послѣдняя, спросить о слѣдующемъ, съ такимъ точнымъ объявленіемъ, что ежели малѣйшая скрытность, а не прямое совѣсти и долгу очищеніе окажется, то тотчасъ повелитъ въ крѣпость взять и поступать, какъ съ крайнимъ злодѣемъ.»

За этою прелюдію, въ которой не поскупились на угрозы, слѣдовали вопросы. Нѣкоторые изъ нихъ совершенно для насъ темны и, разумѣется, нисколько не разъясняются отвѣтами великаго канцлера, который всѣ усилія употреблялъ затемнить, а не разъяснить дѣло; если бы сохранились первые допросы, то оно, быть можетъ, было бы яснѣе. Говоримъ: быть можетъ, потому, что безъ намековъ и неясностей такое слѣдствіе не могло быть: въ него была замѣшана Екатерина Алексѣевна, а спрашивать о ней и обвинять ее прямо, не имѣя еще положительныхъ на то фактовъ, было бы слишкомъ смѣло со стороны Шуваловыхъ.

«Во вчерашнемъ отвѣтѣ — гласилъ первый пунктъ вопроса 27 февраля — на первое твое собственноручное письмо показалъ ты, что оно писано было къ великой княгинѣ, и «товарищемъ» (*)—разумѣешь ты великаго князя; внушеннымъ же дѣламъ отъ нихъ или ихъ именемъ совѣтовалъ, или разумѣлъ (?) конференцъ-секретарю Волкову. Но какъ ты въ то же время клятвою утверждалъ, что не вѣдалъ, дабы помянутый Волковъ имѣлъ у ихъ высочества какой доступъ, да и сверхъ того нескладно, чтобъ ихъ высочества употреблены были тобою къ такимъ подлымъ внушеніямъ, то Ея Императорское Величество никакой вѣры сему объявленію подавать не можетъ, но повелѣваетъ, чтобъ ты объявилъ о семъ пунктѣ сущую и прямую истину.

(*) Вѣроятно, слово это было въ письмѣ Бестужева, которое, впрочемъ, до насъ не дошло, и потому вопросъ не совсѣмъ ясенъ.

— Я подтверждаю, отвѣчалъ Бестужевъ: — что подлинно въ письмѣ своемъ къ великой княгинѣ разумѣлъ такъ, дабы именемъ ихъ высочествовъ внушено было чрезъ третьяго (лица) Волкову, дабы онъ мнѣ помогалъ, такъ какъ я ему, Волкову, въ несчастіи его помогалъ; а сіе присовѣтываніе дѣлалъ для того, что Волковъ, будучи при конференціи, такъ я думалъ, можетъ что либо въ пользу (мою) предъявить.»

«Ничакъ статья не можетъ, чтобъ ты наугадъ авертировалъ Бернардія и остерегъ, дабы онъ въ переноскѣ писемъ повинился. Ибо сверхъ того, что въ письмѣ твоёмъ точно написано: *«а что онъ заперся, то učinилъ отъ страха»* (*) По меньшей мѣрѣ видно, что ты вѣдалъ о его арестѣ, и потому ниѣнешь точно объявить, откуда и кѣмъ ты о томъ увѣдомленъ былъ?»

Такимъ образомъ, комиссія догадывалась о тайныхъ сношеніяхъ Бестужева въ бытность его подъ арестомъ. Неосторожная фраза великаго канцлера сама наводила на эту догадку. Послушаемъ, что онъ на нее отвѣтилъ:

— О Бернардіи я не знаю и ни отъ кого не слышалъ, дабы онъ арестованъ былъ или въ переноскѣ заперся; но, объявивъ самъ графу Александру Ивановичу (Шувалову) въ первомъ допросѣ, что Бернардій письма ко мнѣ приносилъ, (я) натурально думать могъ, что Бернардія спрашивать будутъ, и потому остерегалъ, дабы онъ не заперся, а буде то и сдѣлалъ, то однакъ бы сказалъ, что то отъ страха.

«Въ томъ же первомъ твоёмъ письмѣ совѣтуешь ты великой княгинѣ: «поступать смѣло и бодро съ твердостію», присовокупляя, что «подозрѣніями ничего доказать не можно». Нельзя тебѣ не признаться, что сіи послѣднія слова особенно весьма много значать и великой важности суть, и такъ чистосердечное оныхъ изъясненіе паче всего потребно.»

— Великой княгинѣ поступать смѣло и бодро съ твердостію я совѣтовалъ, (но) только для того, что письма ея къ фельдмаршалу Апраксину ничего предосудительнаго въ себѣ не содержали.

«Что ты на второе (свое) письмо (къ великой княгинѣ) показалъ, яко бы не знаешь, чрезъ кого отъ Апраксина отвѣтъ съ поздравленіемъ былъ, то обличаетъ самое содержаніе помянутаго письма, ибо ежели бы ты о томъ не вѣдалъ, не было бы нужды

(*) Подчеркнуто въ подлинникѣ.

великую княгиню и авертировать, какимъ образомъ ты о томъ на прежде учиненный тебѣ вопросъ отвѣтствовалъ: великая княгиня знала бы и сама, что ты о всемъ томъ ничего не знаешь. И потому всѣ обстоятельства сего отвѣта, конечно, ты объявить долженъ.»

— Неотмѣнно въ томъ утверждаюсь, что не знаю, чрезъ кого отвѣтъ съ поздравленіемъ присланъ былъ и что оный въ себѣ содержалъ. А можетъ о томъ лучше показать фельдмаршалъ Апраксинъ.

«Скажи о частыхъ и необычайныхъ конференціяхъ съ Штамбекомъ и Понятовскимъ?»

— Частыхъ, необычайныхъ и ночныхъ конференцій ни съ Штамбекомъ, ни съ Понятовскимъ я никогда не имѣлъ, и не только съ ними двумя вмѣстѣ, но и ни съ однимъ изъ нихъ запершись не сиживалъ. И хотя они часто у меня бывали, но свидѣтельствуюсь, подвергаясь наитягчайшему наказанію и испытанію, что съ ними двумя ни въ кабинетъ и ни въ какой дома своего каморѣ, и ниже въ третьемъ (т. е. у когонибудь изъ постороннихъ) мѣстѣ самъ-третей никогда не сиживалъ. Да и сверхъ того, буде кто изъ нихъ когда и бывали порознь, то никогда позже восьми часовъ не сиживали, и то развѣ замѣшкавшись за игрою или инако. Впрочемъ, кромѣ обыкновенныхъ дѣлъ, ни о чемъ не разговаривали, кромѣ того, что я, будучи отъ графа Бриля остереженъ, что маркизь л'Опиталь секретную инструкцію имѣеть трудиться о моемъ низверженіи, старался чрезъ Понятовскаго и саксонскій дворъ подать лучшія о себѣ мнѣнія вѣнскому и французскому дворамъ и тѣмъ отъ ихъ гоненій избавиться.

«Для чего ты предпочтительно искалъ милости у великой княгини, а не такъ много у великаго князя, и скрылъ отъ Ея Императорскаго Величества такую корреспонденцію, о которой, по должности и вѣрности, донести надлежало?»

— У великой княгини я милости напередъ сего не искалъ, паче же старался, съ вѣдѣнія Ея Императорскаго Величества, открывать ей письма и переписки, ибо тогда великая княгиня была совсѣмъ предана королю прусскому, Швеціи и Франціи, по тогдашней системѣ. Но какъ съ годъ тому времени или полтора переѣхала Ея Высочество совсѣмъ свои мнѣнія и возненавидѣла короля прусскаго и Шведовъ, кромѣ токмо, что короля, дядю своего, весьма любить, то я старался не токмо утвердить

въ томъ Ея Высочество, но и побуждать, дабы она великаго князя на такія жь съ Ея Императорскаго Величества согласныя мнѣнія привела; ибо хотя великая княгиня отъ преданности своей къ королю прусскому и отстала, однакожь великій князь непремѣнно ему преданъ остался, о чемъ великая княгиня и трудилась, но только мнѣ сказывала, что труды ея разрушаются, присовокупляя къ тому нѣмецкую пословицу: «что я строю, то другіе разламываютъ», упомывая, что то дѣлаютъ навъаче полковникъ Броунъ, природный Пруссакъ, оберъ-камергеръ Брокдорфъ и другіе, около великаго князя находящіеся офицеры, о чемъ я и Ея Императорскому Величеству въ то время доносилъ, но тѣмъ о томъ не упомянулъ, что я всѣ сіи обстоятельства отъ самой великой княгини вѣдаю.

«Такъ какъ извѣстнымъ образомъ Штамбекъ и Понятовскій были (съ тобой) въ непрестанныхъ и необычайныхъ конференціяхъ, всемірно надобно, чтобъ и больше въ томъ участниковъ и confidentовъ было. И потому имѣешь безъ утайки объявить всѣхъ оныхъ, а притомъ и то не скрыть, что понеже все сіе безъ всякаго намѣренія дѣлано быть не могло, то спрашивается: не было ли соглашаемо и постановлено какого плана, какъ на нынѣшнее, такъ и на будущее время?»

— Ни съ Штамбкеномъ, ниже съ Понятовскимъ или другими какими confidentами, коихъ у меня и не было, я не соглашался и не думалъ ни о какомъ планѣ ни на нынѣшнее время, ниже будущее. Да и возможно ли о томъ думать, ибо наслѣдство уже присягами всего государства утверждено? А ежели бы помышлять о принципахъ беверскихъ, но, напротивъ того, я дѣйствительно помышлялъ и уже началъ было своею рукою сочинять планъ, дабы ихъ изъ государства такимъ образомъ выслать, что они въ омерзѣніе и крайней ненависти у онаго будутъ, и сей проектъ найдется въ письмахъ моего кабинета.

«Всѣ ли цѣлы письма прошлыхъ 1746 и 1747 годовъ, которыя Пуговишниковымъ изъ комнаты Ея Императорскаго Величества забираемы были?»

— Сколько забираемыхъ Пуговишниковымъ изъ комнаты Ея Императорскаго Величества писемъ есть, тѣ всѣ частію въ запечатанномъ шкафу, частію же внизу въ канцеляріи лежать.

«Ея Императорскому Величеству точно извѣстно, что когда случалось Ея Величеству разговаривать съ послами, то ты всегда великаго князя ободрялъ или научалъ туда жь подходить,

дабы такимъ разговорамъ мѣшать или останавливать оныя. И потому желаетъ Ея Императорское Величество только о томъ вѣдать, какое ты имѣлъ въ томъ намѣреніе или побужденіе.»

— Чтобъ я великаго князя научалъ мѣшать или препятствовать разговорамъ Ея Императорскаго Величества съ послами, то Богомъ свидѣтельствуюсь, что я того никогда не думывалъ, а наименьше какое злое намѣреніе въ томъ имѣлъ. Но, статья можетъ, чего, однакожь, я не помню, что какъ и когда великій князь удалялся, то я ему показывалъ, что такое удаленіе неприлично, а особливо, что великій князь, вступая иногда тѣмъ временемъ въ разговоры съ малыми людьми, оными со всѣмъ засланивался.»

Мы не прерывали бесѣды комиссіи съ бывшимъ канцлеромъ, чтобы, такимъ образомъ, впечатлѣніе, произведенное ею на читателя, было дѣльнѣе; но, выслушавъ ее и проводивъ собесѣдника изъ дворца, гдѣ были засѣданія комиссіи, въ собственный домъ Бестужева, опѣленный солдатами, вновь пробѣжнимъ его показанія. Много ли въ нихъ искренности? Ея нѣтъ и въ поминѣ: великій канцлеръ весьма беззастѣнчиво лжетъ, и если этой лжи не могли во всемъ замѣтить судьи-современники, то видимъ мы—потомки. Такъ Бестужевъ скрылъ свои сношенія съ Бернарди, ловко объяснилъ смыслъ своихъ таинственныхъ записокъ къ великой княгинѣ по дѣлу переписки съ Апраксинымъ; далѣе, не зная, выдастъ ли, или нѣтъ фельдмаршалъ ния своего посланнаго, Бестужевъ лукаво притворялся незнающимъ, кто это былъ; предуведомивъ обо всемъ, какъ мы видѣли Штамбкена и Понятовскаго, подсудимый тѣмъ смѣлѣе увѣрялъ, что никакихъ совѣщаній у него съ ними не было, а, между тѣмъ, какъ положительно извѣстно изъ свидѣтельствъ современниковъ и самой Екатерины, совѣщанія эти производились часто; наконецъ самое важное обвиненіе—въ сочиненіи плана—канцлеръ рѣшительно отвергнулъ, прикрываясь весьма наивною для того времени отговоркою: что это де и быть не могло: всѣ, молъ, присягали великому князю какъ наследнику престола! Слѣдующее затѣмъ показаніе его о принципахъ явно относится къ заточенной брауншвейгской фамиліи. Безъ сомнѣнія, подготавливая корону малюткѣ Павлу Петровичу и званіе регентши его матери, великій канцлеръ хотѣлъ совершенно удалить лица, которыхъ хотя и были въ тѣсномъ заточеніи, но, по самому пребыванію своему въ Россіи, по толкамъ, которые могло возбуждать

ихъ положеніе, наконецъ по своимъ правамъ на корону, могли служить препятствіемъ къ осуществленію его плана. Но теперь, на допросъ — какой ловкій смыслъ даетъ онъ своему проекту объ изгнаніи этихъ принцевъ!

Вообще, и вопросы и отвѣты очень хорошо вырисовываютъ предъ нами обѣ стороны: со стороны первой—злость, при сознаніи, что нѣтъ фактовъ для обличенія, тщетныя усилія всячески запутать допрашиваемаго, крутые переходы отъ важныхъ обвиненій къ обвиненіямъ, основаннымъ на мелкихъ сиплетняхъ; съ обороняющейся же стороны—замѣчательная изворотливость, самое глубокое спокойствіе и выдержка своего достоинства въ то время, когда ложь нанизывается на ложь; ловкость и смѣлость канцлера доходятъ до того, что Бестужевъ переходитъ вдругъ изъ оборонительнаго въ положеніе наступательное. Но лучшее мѣсто, которое характеризуетъ его, какъ тогдашняго перваго сановника, это—заявленіе о *вскрытіи* имъ всѣхъ писемъ великой княгини. Понятія о чести въ то время были довольно смутны, особенно на той высотѣ, на какой стоялъ графъ Алексѣй Петровичъ.

Тонъ его отвѣтовъ отличается спокойствіемъ и увѣренностію. Между прочими причинами этого было и то, что онъ имѣлъ возможность сноситься изъ-подъ ареста съ своими друзьями. Сношенія эти, однако, были прерваны самымъ неожиданнымъ образомъ. Маленькій трубачъ—егерь графа, и слуга Штамбке были схвачены, и послѣдняя переписка графа Понятовскаго, Штамбке и Бестужева попала въ руки сторожей канцлера. Это открытіе было опасно для Бестужева, крайне непріятно для великой княгини и ея друзей. Великую княгиню извѣстилъ объ этомъ Штамбке. «Получивъ такое извѣстіе—разсказываетъ Екатерина—я, разумѣется, встревожилась. Штамбке былъ блѣденъ, разстроены; онъ говорилъ, что каждую минуту ждетъ если не ареста, такъ высылки, и спѣшилъ проститься со мной (*). Я утѣшала его какъ могла и сказала ему, чтобъ онъ уходилъ, такъ какъ его посѣщеніе можетъ подать поводъ еще къ большимъ неспрѣдѣностямъ для меня, и что отъ меня могутъ послѣ этого отворачиваться, какъ отъ лица, находящагося въ подозрѣніи у правительства.»

(*) Тайный совѣтникъ Штамбке, по рекомендаціи Бестужева и при посредствѣ Екатерины, былъ сдѣланъ мундштрѣмъ при великомъ князѣ по голштинскимъ дѣламъ съ весны 1757 года. Это былъ вѣрный слуга великой княгини и канцлера.

Выйдемъ и мы изъ комнаты встревоженной Екатерины. Это тѣмъ болѣе нужно, что въ кабинетѣ великаго князя самъ Петръ Федоровичъ съ оберъ-камергеромъ своимъ Брондорфомъ уже поджидаютъ Штамбке съ допросными пунктами; они составлены и присланы изъ комиссіи. Нужно замѣтить, что во всей этой исторіи великій князь стоялъ на сторонѣ Шуваловыхъ. Ему ужь сообщили (по догадкамъ) проектированный планъ великаго канцлера, сообщили объ участіи взаимнонелюбезной ему супруги, и онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ казни перваго и развода съ послѣдней. Изъ чувства же непріязни къ ней онъ самъ занялся допросомъ своего голштинскаго министра. Вопросы эти были однообразны, отвѣты—лаконическіе.

«Была ли сообщена тебѣ вмѣстѣ съ прочими иностранными министрами записка объ арестованіи Бестужева-Рюмина? и усмотрѣлъ ли изъ нея, что Бестужевъ обвиняется въ оскорбленіи ея величества?»—Штамбке отвѣчалъ утвердительно.

На заявленіе, что и переписка и сношенія съ подобнымъ арестантомъ строго преслѣдуются, допрашиваемый отвѣтилъ, что переписка его совершенно безгрѣшна, такъ какъ не содержала въ себѣ никакого умысла противъ государства и не имѣла ничего общаго съ тѣмъ преступленіемъ, въ которомъ обвиняли канцлера; отвѣтъ отъ него получилъ и сжегъ. На распросы: не посылалъ ли чрезъ него къ Бестужеву какихъ либо писемъ «иностранный министръ» (разумѣлся при этомъ Понятовскій), были ли на его имя отвѣты, и въ чемъ вся переписка состояла — на всѣ эти вопросы Штамбке отвѣчалъ отрицательно, равно какъ и на то: не имѣлъ ли онъ самъ и не знаетъ ли, у кого есть письма бывшаго канцлера? Отъ него потребовали заявленія, можетъ ли онъ подтвердить свои показанія присягой.

— Конечно, могу подтвердить присягой, уклончиво отвѣчалъ допрашиваемый:—что *никогдѣ у себя* въ рукахъ писемъ Бестужева не имѣю, но въ томъ признаюсь, что предъ симъ отъ канцлера нѣсколько билетовъ получилъ, кои и сжегъ (*).

Этого сознанія было достаточно: Штамбке объявленъ домашній арестъ, а послѣ обѣда въ тотъ же день императрица приказала выслать его за границу. За высылкой голштинскаго

(*) «Пункты (ихъ 22), на которые тайный совѣтникъ и кавалеръ баронъ Штамбке допрашивается и на которые онъ сходно съ истинною наикрѣпчайше и такъ отвѣтствовать имѣеть, какъ бы о томъ имъ особливаго присяга учинена была.» 28 февраля 1758 г. Подписали: Петръ, великій князь, I. I. Цейсъ.

министра послѣдовало рѣшительное требованіе правительства у короля польскаго, чтобы графъ Понятовскій былъ отозванъ: хотя Штабке не выдалъ его сношеній съ канцлеромъ, но въ бумагахъ послѣдняго найдена была записка Понятовскаго. Она была невиннаго содержанія, что не помѣшало, однако, Шуваловымъ воспользоваться ею какъ предлогомъ для удаленія Понятовскаго. Такимъ образомъ, всѣ важнѣйшіе сторонники Екатерины и поборники *сожженнаго* проекта были сражены. Опасность грозила самой Екатеринѣ; она приготовилась ее встрѣтить.

Съ этою цѣлью, она рѣшилась на слѣдующую мѣру, весьма важную какъ для нея, такъ въ особенности для Бестужева-Рюмина: она призвала камердинера своего Шкурина, приказала ему собрать всѣ ея бумаги и принести ихъ къ ней. Когда все было принесено.... но послушаемъ рассказъ самой Екатерины:

«Когда всѣ бумаги были принесены ко мнѣ въ комнату, я выслала камердинера. Лишь только онъ вышелъ, я бросила всѣ тетради въ огонь, и, какъ скоро онѣ запылали, я позвала опять Шкурина и сказала ему: «Смотри, будь свидѣтелемъ, что всѣ мои бумаги и счета сожжены, и если когда нибудь будутъ тебя спрашивать, гдѣ они, ты можешь поклясться, что видѣлъ, какъ я сама сожгла ихъ.» Онъ поблагодарилъ меня за мою заботливость о немъ и сказалъ мнѣ, что захваченныхъ людей стали сторожить совѣмъ иначе противъ прежняго. Послѣ открытія переписки Штабке съ графомъ Бестужевымъ, стали строже слѣдить за симъ послѣднимъ и съ этою цѣлью взяли отъ Бернарди сержанта Калышкина и приставили его къ комнатѣ и особѣ бывшаго канцлера. Узнавъ о такомъ распоряженіи, Калышкинъ выпросилъ, чтобы ему дали нѣкоторыхъ изъ приверженныхъ къ нему солдатъ, которыхъ онъ имѣлъ, когда сторожилъ Бернарди. Такимъ образомъ—продолжаетъ Екатерина—мы съ Шкуринымъ имѣли въ комнатѣ графа Бестужева урнаго и самаго надежнаго для насъ человѣка, сохраняя притомъ возможность сноситься съ Бернарди. Калышкинъ открылся Бестужеву въ своей преданности ко мнѣ и дѣйствительно оказалъ ему множество услугъ.»

Такимъ образомъ, поимка егеря, имѣвшая столько неприятныхъ слѣдствій для партіи великой княгини, имѣла исходъ все-таки довольно счастливый, и лукавый сановникъ, вновь имѣя «тайный каналъ», могъ вести себя на допросахъ съ прежней

увѣренностію и продолжалъ искусно разыгрывать роль «невинной жертвы сильныхъ интригановъ».

Въ среду 4 марта «невинной жертвѣ» вновь было повторено, что государыня недовольна его запираательствомъ и что за малѣйшую отнынѣ скрытность онъ будетъ «тотчасъ взятъ въ крѣпость и съ нимъ поступать какъ съ крайнимъ злодѣемъ»: его стануть пытатъ.

...«Клятва твоя, говорили между прочимъ канцлеру, что ты ни съ Штамбекомъ, ни съ Понятовскимъ не имѣлъ никакихъ въ необыкновенное и ночное время конференцій, возбуждаетъ паче всего праведный гнѣвъ Ея Императорскаго Величества. Отвѣтъ твой обличаетъ твое упорство и наказанія достойную надежду хитростию, коварствомъ и интригами загладить тѣ преступленія, въ коихъ ты уже страдаешь. Ея Императорское Величество такъ точно и подлинно знаетъ, что Понятовскій и Штамбекъ были у тебя почти ежедневно и во всякое сутокъ время и сжижали очень долго, что о томъ и не спрашиваетъ, но хочетъ только, дабы ты, не обинуясь и не ища околичностей, до прямого дѣла не принадлежащихъ, прямо объявилъ, въ чемъ сіи конференціи состояли, ибо о нихъ Ея Императорскому Величеству такими записками доносимо точно, какъ ты доносишь всегда о бытности у тебя другихъ министровъ?»

— Я уже прежде показалъ, отвѣчалъ на это Бестужевъ, что такъ какъ графъ Бриль меня остерегъ: «маркизу де л'Опиталю дана секретная инструкція стараться здѣсь о низверженіи канцлера», то, зная это, я и искалъ чрезъ польскій дворъ подать о себѣ лучшія мнѣнія французскому и вѣнскому дворамъ, и чрезъ то избавиться отъ ихъ гоненій. Да припамятовалъ теперь еще къ большому того объясненію слѣдующее: посолъ (австрійскій) графъ Эстергази открылся датскому, здѣсь умершему министру, Малпану и бывшему здѣсь шведскому полковнику графу Горну, а они оба открыли мнѣ: 1) Эстергази своимъ кредитомъ и представленіями то сдѣлалъ, что созволила Ея Императорское Величество учредить при дворѣ своемъ конференцію, дабы канцлеръ не имѣлъ больше въ дѣлахъ такой силы, какъ прежде; 2) и будто бы, такъ увѣрялъ Эстергази, Ея Императорское Величество не принимаетъ (отнынѣ) никакой важной резолюціи, не посовѣтовавъ прежде съ нимъ, посломъ; наконецъ, 3) Эстергази же говорилъ Малпану и Горну: «я де представляю Ея Императорскому Величеству въ день свадьбы покойной Маріи Симонов-

ны, дабы, при будущихъ съ Франціею негоціаціяхъ, канцлеръ совѣтъ изъ оныхъ исключенъ былъ: на него де полагаться нельзя, паче же опасаться надобно, такъ какъ онъ всякія препоны дѣлать будетъ, по своей преданности къ Англіи». Сверхъ того, датскій посланникъ Остенъ нашелъ все то въ депешахъ своего предепессора (предшественника) Малцана и увѣдомилъ о томъ графа Понятовскаго, который и выговаривалъ графу Эстергази: для чего онъ такъ канцлера гонитъ. Но Эстергази Понятовскому во всемъ заперся и сказывалъ, напротивъ того, что будто бы Ея Императорское Величество къ нему отзывалась: «схочу-де я канцлера исключить изъ будущихъ съ Франціею негоціацій». А онъ, Эстергази будто, напротивъ того, Ея Императорскому Величеству представлялъ: «конечно, надобно, дабы канцлеръ былъ еще при совершеніи всѣхъ тѣхъ негоціацій, кои къ твердому установленію нынѣшней системы потребны будутъ, въ противномъ случаѣ лучше его отъ всѣхъ дѣлъ отставить.» Такимъ образомъ — заключалъ свое показаніе Бестужевъ (только) старался развѣдывать о подвигахъ графа Эстергази, и предосторожности противъ нихъ и причиняли дружбу и соединеніе мое съ графомъ Понятовскимъ.»

Такъ объяснялъ лукавый старикъ предъ пытливыми врагами своими дружбу и соединеніе съ ближайшимъ другомъ и совѣтникомъ великой княгини. Все его длинное «припамятованіе» только потому и явилось на бумагѣ, что оно не заключало въ себѣ ни одной фразы, компрометирующей Екатерину, Понятовскаго и даже его самого. Нашли ли допросчики обвинительные пункты въ остальныхъ десяти отвѣтахъ Бестужева, данныхъ имъ въ тотъ же день, 4 марта, намъ неизвѣстно. Отвѣты эти не дошли до насъ; надо думать, что, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими бумагами этого важнаго дѣла, они запрятаны либо даже уничтожены самимъ подсудимымъ. Дѣло въ томъ, что пять лѣтъ спустя, то есть въ 1762 году, графъ Алексѣй Петровичъ, по возвращеніи изъ ссылки (туда мы его еще проводимъ) пересматривалъ всѣ допросы и отвѣты свои 1758—1759 годовъ; документы эти онъ возвращалъ Екатеринѣ съ своими ремарками, нѣкоторые же почелъ нужнымъ уничтожить: такъ мы имѣемъ основаніе это предполагать....

А отвѣты его, 4 марта 1758 года, должны были быть и важны, и любопытны если не для разъясненія дѣла, которое онъ всячески затемнялъ, то для его характеристики; объ ин-

тересѣ отвѣтовъ можно догадываться по вопросамъ. Изъ нихъ видно, что комиссія очень хотѣлось знать: ради чего и противъ кого совѣтовалъ канцлеръ великой княгинѣ поступать смѣло и бодро? Что вызвало съ его стороны фразу въ письмѣ къ Екатеринѣ: «подозрѣніями-де ничего доказать не можно?» Въ чемъ состояло одно изъ писемъ великой княгини къ фельдмаршалу Апраксину, и съ кѣмъ было послано это «поздравительное» письмо? Откуда узналъ канцлеръ, что великая княгиня перемѣнила свой образъ мыслей и возненавидѣла короля прусскаго? Что была за причина такой скорой перемѣны? Какимъ образомъ открылась великая княгиня канцлеру такъ много, что именовала ему всѣхъ тѣхъ, кои развращаютъ великаго князя, между тѣмъ какъ, по увѣренію канцлера, онъ милости ея никогда не искалъ.» Последній вопросъ особенно интересенъ, и нельзя не пожалѣть, что мы не знаемъ, какъ отвѣтилъ на него подсудимый; не менѣе важенъ и слѣдовавшій затѣмъ вопросъ о томъ планѣ, который сочинялъ канцлеръ къ высылкѣ бевернскихъ принцевъ. Сочинитель его увѣрялъ, что поводомъ къ составленію плана было открытіе шпиона, который будто бы въ Берлинѣ «спрашиванъ былъ» (*). Комиссія, однако, не повѣрила «поводу»: она нашла, что Бестужевъ и прежде много общалъ государынѣ подобныхъ вѣдомостей, будто бы полученныхъ изъ Берлина, однако ни о какомъ планѣ не помышлялъ. «Всемирно надобно—говорила комиссія—что у него были совсѣмъ другія побудительныя причины, тѣмъ болѣе, что планъ сталъ составляться именно въ такое время, когда императрица стала оказывать канцлеру недовѣріе и неудовольствіе, а великая княгиня, напротивъ того, вошла съ нимъ въ тѣсное соединеніе и согласіе.» Комиссія спрашивала также, *по чьей просьбѣ* Бестужевъ выпросилъ фонъ-Штамбеку у короля польскаго кавалерію бѣлаго орла? спрашивала: сколько было всѣхъ писемъ Ея Высочества къ канцлеру и его къ ней отвѣтовъ, въ чемъ состояла эта переписка, почему она шла не прямымъ каналомъ, почему они скрывали ее отъ государыни, наконецъ гдѣ эти письма и буде сожжены, то для чего? «Его Высочеству великому князю—спрашивали между прочимъ Бестужева—говоришь ты, что ежели Его Высочество не престанетъ таковъ быть, каковъ онъ есть, то ты другія мѣры противъ него возьмешь. По-

(*) Известно, что Елизавета опасалась — совершенно, впрочемъ, напрасно — мнимаго замысла Фридриха II возвестъ на русскій престолъ Ивана Антоновича.

этому имѣешь ты явственно изъяснить, какой ты хотѣлъ въ великомъ князѣ переиѣны и какія другія мѣры принять думалъ.» Наконецъ «точно извѣстно Ея Императорскому Величеству, что много курьеровъ отправлено было отсюда тобою къ гетману въ Украину. И потому точно жь объявить имѣешь, кто были тѣ курьеры, сколько ихъ всѣхъ было, съ чѣмъ и когда посланы?»

Только на послѣдній запросъ комиссіи мы, безъ отвѣтовъ великаго канцлера, можемъ дать объясненіе, впрочемъ, неполное. Гетманъ Кириллъ Разумовскій былъ одинъ изъ друзей Екатерины, а слѣдовательно сторонникъ канцлера; Кириллъ Разумовскій, однако, ничего не зналъ о ихъ замыслѣ и въ мартѣ 1757 года уѣхалъ въ гетманство, въ Глуховъ, въ сопровожденіи своего руководителя Теплова. Разумовскій рассчитывалъ пожить да повеселиться въ Малороссіи довольно долго—и вдругъ совершенно неожиданно, вслѣдствіе какой-то грамотки, долженъ былъ отправиться въ Петербургъ. 14 декабря 1757 года, Кириллъ Григорьевичъ выѣхалъ изъ Глухова. Въ это-то время, то есть въ бытность его въ Малороссіи, шла между нимъ и молодымъ дворомъ, то есть между великой княгиней и ея сторонниками, какая-то тайная пересылка. Весьма вѣроятно, что она касалась извѣстнаго уже намъ проекта канцлера. О существованіи этой пересылки зналъ Тепловъ, и, какъ человекъ въ высшей степени подлый (такимъ онъ заявлялъ себя во всю свою жизнь, посвященную интригамъ), Тепловъ донесъ о ней Шуваловымъ. Изъ доноса родился вопросъ, нами выписанный; что отвѣтилъ на него Бестужевъ—неизвѣстно.

Извѣстно, впрочемъ, то, что всѣ его отвѣты, данные 4 марта, были составлены съ обычнымъ искусствомъ и изворотливостію. Допросчики были недовольны и три дня спустя выразили недовольство новымъ рядомъ допросовъ. Шуваловымъ, съ вѣтлаго, непремѣнно хотѣлось дознаться, въ чемъ состояли сношенія Бестужева съ гетманомъ, такъ какъ первому «вѣдомы были старанія великой княгини: Апраксина съ гетманомъ примирить». Требовалось признанія въ томъ, «по чьей просьбѣ выхлопотана кавалерія фонъ-Штамбкену и какимъ образомъ Апраксинъ вошелъ въ большой кредитъ у великой княгини, и кто его въ оный ввелъ?»

Какъ эти, такъ и предшествовавшіе вопросы комиссіи достаточно выясняютъ цѣль Шуваловыхъ, Воронцова, Трубецкаго,

Бутурлина, Волкова и другихъ звѣздъ первой величины тогдашняго петербургскаго горизонта: всѣмъ имъ нужно было не того, чтобъ праведнымъ судомъ обличить человѣка, жертвовавшаго вмѣстѣ съ интриганомъ-фельдмаршаломъ честью русской арміи и тысячами людей для своекорыстныхъ цѣлей,—нѣтъ, вся эта компанія валила Бестужева не для пользы Россіи, а ради того, чтобъ не имѣть въ немъ помѣхи для достиженія собственныхъ, не менѣе корыстныхъ, цѣлей. Казалось, доносчикамъ прежде всего нужно было обратить вниманіе на то, кто именно увѣдомилъ Апраксина о необходимости отступленія; но они поставили этотъ вопросъ только 7 марта и тотчасъ же, не выжидая отвѣта, совсѣмъ его вычеркнули. Чтобъ узнать, что побудило ихъ къ этому странному поступку, возстановимъ вычеркнутый запросъ:

«Извѣстно тебѣ, что 8 сентября минувшаго (1757) года, въ Царскомъ Селѣ, имѣла Ея Императорское Величество нѣкоторый припадокъ болѣзни. А, напротивъ того, памятно тебѣ, что Апраксинъ, стоя подъ Тильзитомъ, имѣлъ намѣреніе сіе мѣсто укрѣпить и (снабдить) гарнизономъ солдатъ, такъ что принятое потомъ вдругъ 14 и 15 чиселъ въ ночь намѣреніе, все бросая, съ поспѣшеніемъ назадъ ядти, справедливую причину подастъ не только подозрѣвать, но и несомнѣнно вѣрить, что, конечно, онъ о помянутомъ припадкѣ увѣдомленъ былъ. И потому имѣешь ты показать, не ты ли его о семъ увѣдомилъ, или хотя не вѣдаешь ты, что кто либо другой то сдѣлалъ?»

И этотъ столь рѣшительный и важный вопросъ вычеркнуть самой комиссіей. Мы объясняемъ это тѣмъ, что членамъ ея, лучше чѣмъ кому нибудь другому, было извѣстно, какъ сильно гнѣвается императрица на тѣхъ, кто хоть единымъ неосторожнымъ словомъ напоминалъ ей о болѣзни, тѣмъ болѣе о такой опасной, каковы были ея припадки; государыня рѣшительно не могла выносить мысли, что всѣ люди смертныя, и что слѣдовательно и ей, какъ человѣку, придется въ свою очередь умереть. Эта черта въ характерѣ Елисаветы доходила до того, что во дворѣ ея никогда и ни по какому случаю не являлись въ траурѣ, похоронныя процессіи объѣзжали по дальнимъ улицамъ, чтобъ только не проѣхать мимо дворца, и родственница государыни, Чоглокова, встрѣченная ею однажды въ траурной каретѣ (по случаю смерти мужа), тотчасъ же была уволена отъ занимаемой ею должности. Сообразивъ все это, судьи по-

няли, что допросъ, а еще скорѣ отвѣтъ на него канцлера доведется представить императрицѣ, и гнѣву ея, при воспомина- нии о припадкѣ, не будетъ границъ.

Въ субботу, 14 марта и въ пятницу 20 марта, Бестужевъ опять былъ привезенъ во дворецъ, въ комиссію, для допро- совъ. Съ общимъ характеромъ этихъ вопросовъ и отвѣтовъ зна- комитъ насъ слѣдующая бесѣда его съ Волковымъ, на которую онъ былъ привезенъ въ «ясное» утро, въ понедѣльникъ 30 марта:

«Теперь Ея Величеству, говорилъ Волковъ: — нечаянно, но вдругъ и точно стало извѣстно, что Понатовскій не по благо- изобрѣтенію короля польскаго и не для его дѣлъ, но един- ственно по своимъ проискамъ здѣсь уже по отзывѣ вновь остав- лень: для чего жь ты искалъ его здѣсь удержать?»

— Признаюсь, отвѣчалъ канцлеръ: — подлинно старался я чрезъ Прассе, секретаря саксонскаго посольства, удержать здѣсь графа Понатовскаго, притомъ тогда, когда ужъ онъ былъ ото- званъ, но ни къ графу Брилю, ни къ князю Волконскому о томъ не писалъ, а сіе исканіе производилъ только для того, чтобъ имѣть хоть одного благопріятнаго для себя министра противъ гоненій графа Эстергази и л'Опиталя; Понатовскій же мнѣ со- общалъ все, что слышалъ отъ моихъ непріятелей. И въ томъ, что я искалъ Понатовскаго здѣсь удержать, зная, что Ея Ве- личеству присутствіе его не угодно, въ томъ прошу монаршаго пониманія. Собственную пользу свою предпочелъ я всевысочай- шему имянному Ея Императорскаго Величества соизволенію, боль- ше же того оныхъ видовъ въ удержаніи Понатовскаго не имѣлъ.

«При отправленіи въ Гамбургъ посланника Салтыкова, го- ворилъ ты ему, чтобъ онъ оставилъ у тебя всѣ свои алмазные вещи, такъ какъ на дорогѣ его арестуютъ и все у него будетъ обобрано. Почему жь ты думалъ, что Салтыкова арестуютъ и для чего ты его авертировалъ?»

— Ничего подобнаго у меня съ посланникомъ Салтыковымъ говорено не было, ни предъ посылкой его въ Швецію, ни предъ отправленіемъ въ Гамбургъ.

«При отправленіи Салтыкова въ Гамбургъ, купилъ ты у него дворъ, но съ такими обстоятельствами, что, конечно, съ одной или другой стороны было какое ни есть похлебство или сокровенное нащѣреніе?»

— Дворъ у Салтыкова купилъ я, за 12,000 рублей, не для

какого скрытнаго намѣренія, но единственно для того, что онъ по близости былъ мнѣ нуженъ для помѣщенія своихъ домашнихъ. А что я договорился сію сумму выплатить ему въ десять лѣтъ, а, между тѣмъ, платить по шести процентовъ за все то, сколько уплачено не будетъ, то это показываетъ мой недостатокъ; проценты же я дѣйствительно платилъ, что домажется оригинальными росписями камергера Романа Ларионовича Воронцова.

Бесѣда заканчивалась требованіемъ большой клятвы:

«На сіе имѣешь ты объявить сущую правду, такъ какъ тебѣ предъ всемогущимъ Богомъ на страшномъ и праведномъ Его судѣ стать и приобщиться страшнаго таинства тѣла Его и крови.»

— Во всемъ томъ (не затрудняясь), объявилъ канцлеръ: — показалъ я сущую правду и ничего не утаилъ, въ чемъ утверждаюсь присягою и страшнымъ таинствомъ тѣла и крови Христовой; въ противномъ же случаѣ, ежели внако изблеченъ буду, подвергаю себя праведному и жесточайшему наказанію.

«Нѣтъ, съ нимъ ничего не сдѣлаешь! жаловались государынѣ утомленные и негодующіе судьи: — на всякое дѣло, о чемъ тамъ только его ни спрашивали, истощали мы всѣ увѣщанія и угрозы, чтобъ получить отъ него повинную или объясненіе, но на всякое жъ дѣло разсыпался онъ въ страшныхъ клятвахъ. И всѣ тѣ клятвы для того, дабы заставить вѣрить, будто бы ничего не знаетъ, о чемъ его спрашиваютъ. Въ случаяхъ же, когда предъявляли ему неоспоримую улику, тогда онъ ссылался на слабую свою память. Это случалось не разъ, но многократно, при всѣхъ допросахъ, при каждомъ почти пунктѣ, такъ что мы наконецъ убѣдились, что гдѣ нѣтъ точныхъ и неоспоримыхъ уликъ, тамъ никакіе признаки, какъ бы велики и достаточны они ни были, не могутъ принудить его къ большому показанію и покаянію. Мало того: бывшій канцлеръ подтвердилъ теперь всѣ свои клятвы приобщеніемъ тѣла и крови Христова. Послѣ этого наисвященнѣйшаго и страшнѣйшаго для каждаго христіянина обряда, мы еще болѣе утверждаемся въ мнѣніи, что никакое дальнѣйшее слѣдствіе надъ Бестужевымъ не принудитъ его къ большому чистосердію.»

Сдѣлали еще попытку найти улики: вновь перерыли разныя бумаги, опечатанныя при арестованіи Бестужева; но въ бумагахъ ничего особеннаго не было: все *особенное* заблаговременно было истреблено осторожнымъ сановникомъ. Сняли до-

просы съ генералъ-квартирмейстера Веймарна, въ надеждѣ, не выдастъ ли онъ какихъ либо секретныхъ разговоровъ съ канцлеромъ либо фельдмаршаломъ; но и отъ него почти ничего не добились. Вспомнили объ Апраксинѣ, готовились ѣхать къ нему для допросовъ въ Три-Руки; но поѣздка была отложена, по случаю поста и святой недѣли (19 апрѣля), а, между тѣмъ, не теряя времени, составляли докладъ о винахъ Бестужева. Это сочиненіе по необходимости должно было состоять изъ фразъ, болѣе или менѣе рѣзкихъ, такъ какъ фактовъ было весьма немного: не только бумаги, но даже имущество знаменитаго арестанта, въ томъ, разумѣется, видѣ, какъ его захватили, не давало противъ него оружія его врагамъ: «*вотъ хотѣли милліоны найдти!*» невольно воскликнулъ князь Никита Юрьевичъ Трубецкой, пораженный незначительностію бестужевскаго богатства. «Эхъ, кабы пытка! могли думать судьи. Добились бы мы отъ нашего упрямаго противника многого и многого, что такъ удачно теперь имъ скрыто и отвергнуто!» Но пытки не было, о ней не смѣли и просить императрицу. Этому иѣшали, во первыхъ, отсутствіе рѣшительности со стороны Шуваловыхъ; во вторыхъ, увѣренность, что государыня, по своему характеру, вообще говоря, доброму и склонному къ милосердію, не рѣшится отдать на пытку человѣка, соправительствовавшаго ей въ продолженіе восемнадцати лѣтъ. Можно бы было ее запугать, убѣждать; но на то и другое мастеръ былъ бывшій канцлеръ: онъ и успѣлъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, вздернуть на дыбу Лестока, партія же Шуваловыхъ не рѣшалась на такія крутыя мѣры. Наконецъ и время брало свое: теперь уже переставали на Руси пытать да казнить опальныхъ первостатейныхъ сановниковъ; близко было время, когда ихъ начали удалять отъ дѣлъ безъ шума, подъ благовиднымъ предлогомъ, нерѣдко съ оффиціально выраженной милостию.... Но возвратимся къ судьямъ и подсудимому.

Коммиссія негодовала. Волковъ терялъ терпѣніе, видя безплодными всѣ усилія вывѣдать что либо *существенное* отъ Бестужева. Секретарь прибѣгалъ къ разнымъ уловкамъ. Такъ, напримеръ, «онъ многіе отвѣты мои — рассказывалъ четыре года спустя Бестужевъ-Рюминъ—служившіе къ моему оправданію, записать отрекался и ихъ не принималъ, а которые отвѣты было и заблагоразсудить записать и по многимъ спорамъ переписывать, но тѣ черновые отвѣты не давалъ мнѣ читать,

прочитывалъ только самъ и давалъ мнѣ подписывать, но не подъ всякимъ пунктомъ, а только внизу. Такъ неотмѣнно поступалъ онъ въ каждое судей присутствіе. А потомъ разныхъ дней допросные пункты переписывалъ набѣло и, не давъ мнѣ не только сличить ихъ съ черными, но даже и бѣловыя-то прочесть давалъ мнѣ, по прежнему, подписывать внизу, не подъ каждымъ пунктомъ, такъ что я и не зналъ — продолжаетъ рассказывать Бестужевъ-Рюминъ — болѣе того, что Волковъ заблагоразсудилъ мнѣ дать знать и прочесть, въ какой силѣ и что я подписалъ. Да хотя онъ въ присутствіи тѣхъ четырехъ персонъ (трехъ судей и регистратора) и общалъ при окончаніи комиссіи всѣ черныя допросы и отвѣты изодрать, однакожь, не исполняя того, у себя удержалъ. Изъ чего всякъ безпристрастно, осознательно примѣтитъ можетъ, коль легко было Волкову, по своему злонаобрѣтенію, въ черныхъ отвѣтныхъ пунктахъ вычеркнуть, переправить, убавить, прибавить и, переписавъ оное набѣло, какъ выше сего упомянуто, принудя меня внизу всѣхъ пунктовъ подписать, возмѣтъ случай у Ея Императорскаго Величества тѣмъ еще болѣе меня оклеветать.»

Если въ этомъ разсказѣ есть правда, то нельзя не допустить и большой доли лжи со стороны бывшего канцлера. Не такой онъ былъ человекъ, котораго бы можно было одними угрозами заставить подписать то, чего онъ не зналъ. Притомъ же, перечитывая впоследствии, по возвращеніи изъ ссылки, и дѣлая разныя «ремарки» на поляхъ слѣдственнаго о себѣ дѣла, Бестужевъ, безъ сомнѣнія, указалъ бы, въ чемъ именно состояли произвольныя прибавки и убавки придирчиваго секретаря-допросчика; но этихъ указаній нѣтъ, и Бестужевъ ограничился голословнымъ обвиненіемъ. Нѣтъ, *злонаобрѣтеніе* Волкова проявилось не столько въ этихъ, сомнительныхъ еще, поступкахъ съ документами дѣла, сколько въ сочиненіи всеподданнѣйшаго доклада о степени преступности Бестужева.

Въ пятницу, на страстной недѣлѣ, 17 апрѣля, Александръ Ивановичъ Шуваловъ объявилъ Высочайшею волю, «какъ наискорѣе имѣть сентенцію комиссіи по найденнымъ доннымъ винамъ бывшего канцлера». Волковъ предсталъ съ своимъ сочиненіемъ. Въ немъ было выражено «слабѣйшее мнѣніе» комиссіи о преступникѣ и его преступленіяхъ.

Какъ ни интересенъ этотъ документъ, но мы не рѣшаемся привести его цѣлкомъ, изъ боязни обременить статью и безъ

того уже богатую выписками изъ подлинныхъ документовъ. Изложимъ вкратцѣ содержаніе доклада и остановимся на мѣстахъ, особенно интересныхъ.

Въ началѣ любопытнаго документа сказано, что, несмотря на «весьма разныя матеріи», которыя доводилось разбирать, нижеподписавшіеся всегда имѣли въ виду различать пунктъ: преступленіе относительно здравія и благополучнаго государственія Ея Величества отъ пунктовъ всѣхъ прочихъ преступленій. По строгомъ изслѣдованіи, судьи не нашли Бестужева виновнымъ противъ перваго пункта; прочія жъ его преступленія найдены «весьма тяжкими и крайняго наказанія достойными». За неокончаніемъ всего слѣдствія, комиссія не бралась описывать ихъ всѣхъ съ точностію, но съ «чистою совѣстію» заявляла, что «самолюбіе сего бывшаго министра и суетное желаніе такъ долго быть великимъ, какъ бы онъ общему всѣхъ смертныхъ предѣлу подверженъ не былъ, толико имъ обладали, что, упоенъ сею страстію, не разбиралъ онъ путей и способовъ, какими думалъ достигнуть любимаго своего желанія—властвовать». Изъ этого, по мнѣнію комиссіи, произошло, что бывшій канцлеръ присвоилъ самопроизвольно большую власть, небрежно исполняя возложенныя на него обязанности, а хлопоталъ объ одномъ: «гнусными и наказанія достойными интригами и ухищреніями сохранить себя въ наружной знатности и властвованіи»; увлеченный гнусными цѣлями, Бестужевъ дерзнулъ на право, по словамъ докладчиковъ, принадлежащее только однимъ самодержавцамъ: онъ распечатывалъ партикулярныя письма (*); въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ обносилъ предъ Ея Величествомъ Ихъ Высочества, а Ихъ Высочествамъ внушалъ неудовольствіе противъ императрицы; изъ «самолюбія, давая явное предпочтеніе собственной своей пользѣ и хотѣнію», Бестужевъ удержалъ при нашемъ дворѣ графа Понятовскаго; затѣмъ самъ вмѣшался и известную персону (т. е. великую княгиню) вмѣшалъ въ не позволенную переписку съ Апраксинымъ. Тутъ онъ является, по словамъ доклада, преступникомъ противъ государства, должности, присяги, и сугубо оскорблялъ Ея Величество.

Въ самомъ дѣлѣ—говорили докладчики—зная изъ разговоровъ съ Апраксинымъ, до отъѣзда того еще въ Ригу, о нежеланіи его

(*) Надо замѣтить, что этии правомъ Бестужевъ пользовался въ важнѣйшихъ случаяхъ съ вѣдома Елисаветы. Вскрытіемъ писемъ партикулярныхъ устроены имъ были нагваніе Шетарди и заточеніе Лестока.

начинать военныя дѣйствія, видя это же изъ медленности выступленія фельдмаршала изъ Риги, видя, что великія приуготовленія извращаются, казна и государство понапрасну истощаются, многочисленная армія, бесполезно собранная, терпитъ крайнюю нужду, достоинство, слава и честь всей имперіи страдаютъ, торжественныя деклараціи остаются безъ исполненія, точныя монаршія повелѣнія пренебрегаются, — видя все это, бывшій канцлеръ ничего не доводилъ до свѣдѣнія Ея Величества! Увѣренія его, что онъ письменно побуждалъ Апраксина начинать дѣйствія, нисколько не оправдываютъ Бестужева. Своимъ побужденіямъ Бестужевъ, по мнѣнію комиссіи, давалъ бѣольшую силу и дѣйствительность, нежели указамъ государыни, и, такимъ образомъ, сугубо оскорблялъ Ея Величество. Въ отвѣтахъ на допросы бывшій канцлеръ не только не показалъ раскаянія, но явилъ новые происки: «сего ради, по словамъ доклада, Бестужевъ тотчасъ открылъ письменно такія дѣла, о которыхъ, по именному Ея Величества повелѣнію, съ тѣмъ и спрашиванъ былъ, дабы подѣ смертною казнью не открывалъ о томъ никому въ свѣтѣ во всю жизнь свою, а онъ открылъ (25 февраля) такую священную тайну, о которой никто не можетъ помыслить безъ ужаса (*). Тѣмъ не довольствуясь, онъ отважился въ бытность уже подѣ арестомъ письменно научать другихъ, что имъ отвѣтствовать и въ чемъ заператься. «Комиссія съ особенною горечью описывала «окаменѣніе сердца подсудимаго»: его нераскаянность, его лживость, упорство и т. п. черты его характера, блистательно заявленныя имъ на всѣхъ допросахъ.

«Тѣмъ-то болѣе — писалъ Волковъ — тѣмъ-то справедливѣе комиссіа утверждается въ мнѣніи, что дальнѣйшее слѣдствіе не принудитъ Бестужева къ большому чистосердечію, когда уже къ тому и то несильно было, что христіане имѣютъ наисвященнѣйшаго и страшнѣйшаго (т. е. причастіе тѣла и крови Господней).

«Подлинно могутъ изъ разбираемыхъ его писемъ и другими незапными иногда случаями оказаться такія дѣла, которыя послужили бѣ къ его обличенію; но какъ напередъ извѣстно, что въ такомъ случаѣ отвѣтствовалъ бы онъ коротко: утаилъ-де я о томъ отъ забвенія, а не съ умыслу, такъ видится, что все то, что впередъ откроется не имѣетъ служить, какъ для извѣстія

(*) Эта священная тайна видимо относилась до великаго князя. Въ дѣлѣ, однако, нѣтъ этого таинственнаго показанія Бестужева.

Вашего Императорскаго Величества, А между тѣмъ ничто не препятствуетъ, паче жъ требуетъ видимое правосудіе, и собственное Вашего Императорскаго Величества человеколюбіе: сдѣлать скорое рѣшеніе по сему дѣлу.»

«Преступленія, хотя и вкратцѣ вышепроеписанныя, дабы не утрудить Ваше Императорское Величество пространнѣмъ чтеніемъ мерзостныхъ и гнусныхъ непорочной Вашего Величества душѣ дѣлъ, однако жъ такъ ясны и доказательны, и наказаніе оскорбителямъ величества, преступникамъ монаршихъ повелѣній и измѣнникамъ священной коронованныхъ главъ тайны, такъ все-народными правами генерально и здѣшними законами точно опредѣлена, а именно: смертная казнь, что нижеподписавшіеся ничего отъ себя къ тому присовокупить не смѣютъ и не могутъ; но съ глубочайшимъ благоговѣніемъ предаютъ все то въ монаршее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе и милосердіе. Князь Н. Трубецкой, А. Бутурлинъ, графъ А. Шуваловъ.»

Выписанное нами заключеніе доклада въ высшей степени характеристично. Блюстители тогдашняго правосудія, лица, стоявшія въ челѣ тогдашняго правительства, не имѣя никакихъ другихъ побужденій, кромѣ интересовъ партій и личной ненависти къ первому министру, тщетно ищутъ мало-мальски фактическихъ основаній къ обвиненію его въ государственной измѣнѣ; не находятъ, ограничиваются подозрѣніями, подкрашиваютъ ихъ рѣзкими фразами и подъ громъ ихъ въ высшей степени дерзко увѣряютъ государыню: потому-де только и не выписываемъ всѣхъ «мерзостныхъ и гнусныхъ» дѣлъ бывшаго правителя, что «не хотимъ утрудять непорочную душу Вашего Величества». А, между тѣмъ, не утруждая обстоятельнымъ изложеніемъ дѣла, не представляя даже фактовъ, на основаніи которыхъ долженъ былъ составиться приговоръ, они взываютъ къ человеколюбію Ея Величества. Человеколюбіе это, по мнѣнію трехъ важнѣйшихъ сановниковъ, изъ которыхъ одинъ генераль-прокуроръ правительствующаго сената, другой генераль-фельдмаршалъ арміи, третій глава инквизиціоннаго судилища, человеколюбіе императрицы, по ихъ мнѣнію, должно состоять въ немедленномъ обреченіи подсудимаго на *смертную казнь*.

Какая сторона была лучше? Падающій ли министръ съ своими сторонниками, или поборники противной партіи? Рѣшить

трудно. Ясно только то, что и тѣ, и другія лица пользовались своею властію, своимъ значеніемъ, своимъ вліяніемъ—къ достиженію своекорыстныхъ цѣлей, къ собственному возвеличенію. Отечество, его слава, честь и интересы Россіи существовали у нихъ только на словахъ да на бумагѣ, и притомъ тогда, когда, изъ личныхъ выгодъ нужно было либо задушить врага, либо, по крайней мѣрѣ, сбить его съ своей дороги.

Въ то время, когда великіе сановники происками и интригами безславили царствованіе дочери Петра I, когда человекъ, восемнадцать лѣтъ управлявшій внутренней и внѣшней политикой всей имперіи, всенародно называемъ былъ «клятвопреступникомъ и гнуснымъ злодѣемъ», въ это время русскій солдатъ съ обычнымъ мужествомъ боролся съ врагомъ сильнымъ и искуснымъ, боролся за честь русскаго войска, и слава его подвиговъ гремѣла по всей Европѣ....

Оставляя за собой удовольствіе въ дальнѣйшихъ главахъ рассказать о подвигахъ русской арміи въ 1758, 1759, 1760 и 1761 годахъ, мы, въ заключеніе настоящаго разсказа, должны отправиться въ Тре-рукое... Здѣсь ждетъ своихъ *нелицеприятныхъ* судей генералъ-фельдмаршалъ русской арміи, злополучный *противникъ* Фридриха II, Степанъ Ѳедоровичъ Апраксинъ.

МИХАИЛЪ СЕМЕВСКІЙ.